

*Храни меня под
сердцем*

Автор: Ви Майерс

18+

Ви Майерс

Храни меня под сердцем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68023654

SelfPub; 2022

Аннотация

Тернистая история маленького человека в чужом теле. Оставаясь долгое время в подвешенном состоянии, героиня выбирается из тёмного леса, ступая с закрытыми глазами, наощупь, на тропу битого стекла. И пока родные голоса ведут её к прозрению, нечто горячее, обжигающее, топит скованное, ледящее тело, сердце.

Ви Майерс

Храни меня под сердцем

Вступление

Порою тяжёлые обстоятельства сильнее, чем белая полоса жизни. Пытаясь обогнать судьбу, человечество наступают на ноги более могучему врагу – природе. И тогда, оказавшись в неравных условиях, слабый оппонент проиграет, как бы сильны не были намерения. Возможно, если случилось бы чудо, и природа дала фору людям ценой их собственных жизней – победа стала бы чуть ближе. Ведь даже суровая мать не смогла предугадать неминуемое поражение после создания такого уникального экспоната, как человек. И если бы ей хватило смелости оторвать пуповину ещё неродившегося гения, история бы не началась.

Учёные до сих пор спорят с чего родилась жизнь. Живой бульон? Метеорит? Магия? Долгие годы, которых мы не можем подсчитать с помощью пальцев всего человечества, шли без нашего участия, создавая невообразимые уму творения. Многотонные ящеры, глубоководные тираны, неконтролируемые, дикие титаны терроризировали Землю. И одно только представление чудовища вызывает дрожь в коленях или же рвотный рефлекс. Но существуют монстры раз-

меров многократно уменьшенных. Настолько, что при одном чихе, в комнате два на два метра, все люди внутри станут в опасности. Им мы тоже дали название, нашли лекарство и стараемся всеми силами избежать встречи. Их вид настолько хорошо изучен, что некоторые экстремалы с удовольствием разделяют с маленькими проказниками тело. Пока вирус не начал убивать организм, в котором удобно расположился, хозяин использует вакцину.

Так испытывая на прочность фундаментальное творение гениев, люди сами вывели новую тварь, что дремала в эволюции. Отдыхая в пучинах времени, ожидая своего часа, она проснулась раньше указанного срока. Размножаясь, становясь сильнее с днями, вселяла страх не только в учёных, но и в политиков. И какое-то время общество прикрывало брешь порванной тканью, залатывала особо открытые дыры, прикрываясь стабильностью. Пока дамба, что держала миллиарды населения в неведении, не поплыла, как ледник в несчастной Антарктиде.

Сражаясь с невидимым врагом, государства заключили перемирие, на время безумства неизвестности. Их решение так сильно затянулось, что вирус заскучал. Убивая одного жителя за другим, подчиняя органы, мышцы, даже разум своей воле, он, как истинный завоеватель захотел больше, чем истощаемый запас плоти. Его взгляд пал на машины.

Прирастая конечностями к расплавленному металлу, он избавлялся от мясных оков, отпуская человечество на временный перерыв, который может стать, если не последним, то решающим.

Долгий отрывок времени армии отражали натиск неугомонных, вечно жаждущих большего, вторженцев. Сражаясь с совершенно новой, невиданной ранее миром, расой, люди оттягивали судный день приблизительно сто тридцать лет. Населённые пункты, что жили в вечном страхе вновь быть атакованными, наконец снесли заборы и зенитные единицы. Казалось, что враг наконец насытился и остыл к истерзанному оппоненту. Но мнимое спокойствие лишь затишье перед апокалипсисом.

Первая встреча

Гуляя по пустоши злой и страшной, невольно забредёшь в дебри, где без посторонней помощи не обойтись. Там мудрые старцы утопят тебя в своих громадных, мутных познаниях чего-то ужасного и неприятного. Им никто не объяснял, что, прожив ни один десяток лет, каждый делал что-то неправильное, возможно, нелепое. Белая пелена высокомерия, сильного чувства важности закрывает им весь обзор на прекрасное, неизведанное настоящее, которое тёплыми руками обволакивает его, как мать молочное дитя. Как река

имеет начало с маленького ручейка, как искра зарождает обжигающее пламя, как человек воскресает в утробе матери размером меньше рисового зёрнышка. Когда-то все мы были никем без наших родителей. Именно благодаря искренним, благим намерениям со стороны взрослых людей, незапланированная встреча с чем-то незнакомым станет радостна и желанна. Положа обработанный камень в ухабистую, неразборчивую дорогу из песка и грязи, они подарили то, над чем не властен никто.

Где-то в глуши южных лесов Японии расположилась громадная лаборатория размером с маленький населённый пункт. Место выбрано не случайно, её не должны увидеть любопытные взгляды. В этой злополучной, заросшей и, кажется, безжизненной глуши кишат необъятные горы жестоких, безнравственных людей. Труды не одного поколения, возвращённые потом и кровью, под чутким надзором суровых надзирателей, живут здесь, словно в тюрьме. По-другому, увы, невозможно описать мерзость, что льётся из незатейливых ртов, которых, как вы могли догадаться, слишком много.

Давайте взмоем ввысь к птицам, что ежедневно пролетают мимо, но, к сожалению, не могут рассказать всему миру о чудном, тайном здании, окружённом густым, высоким лесом разного вида хвойный деревьев. Необычных размеров и форм корпуса состоят из старых, серых стен, располагаются

далеко, параллельно друг от друга, чтобы персонал различных направлений не контактировал между собой. Во избежание распространения ложной информации, разумеется. Основное помещение – это широкий квадрат, делится на четыре сектора: внутренняя лаборатория с огромным спектром анализов, здания заключённых, что спрятаны внутри гигантского забора под сильным напряжением, карцер, относительно небольшой на фоне остальных построек, и, самое чистое, светлое место в округе, технический особняк, вам не показалось. Но нам нужно нечто иное, откуда ежедневно доносятся самые разные вопли, крики, песни и животрепещущие удары по полу. Задумайтесь только на мгновение, когда-то вы попали в родильный дом внутри своей матери, а выбрались уже на её тёплых руках. Местные же жители не покидали этого здания никогда. Большинство из них даже не посещали улицу, не видели неба, не вдыхали аромат любимой выпечки. Их родители появились тоже здесь и погибли, возможно, в соседней комнате. Неведение – достаточно серьёзная кара для тех, кто совсем не познал этот мир, однако, он обошёлся с ними лучше, чем кто-либо.

Внутри стен, пропитанных горечью не одной сотни людей, течёт своя жизнь. Кто-то изо дня в день возвращается сюда, потому что кормит семью, другой, вынужден терпеть холод внутри вен, по сложившимся жизненным обстоятельствам, без цели и смысла. И даже здесь, в полумраке, в клубивших-

ся комках пыли и зловонной грязи, в усталых, надменных взглядах и ухмылках возможно найти нечто ценное, чем существование.

В палате с выцветшей краской, пожелтевшими простынями и намертво заколоченными окнами лежала немогущая женщина. Её дыхание прерывисто, сердцебиение учащённое, а руки лежат скрещенными на вздувшемся животе. На запястьях, где множество шрамов не позволяли разглядеть вен, виднелись, выбитые углём, кривой иглой, небрежно, с множеством дефектов, татуировки звезды Давида. По морщинистому запотевшему лбу скатывался неуверенно пот. Приоткрывая едва рот, девушка старалась не задохнуться от скопившегося напряжения в воздухе, от бесконечной испытываемой боли в разных участках тела. Рядом с ней, сгорбившись от непреодолимой усталости, виднелась фигура покрупнее, сдавливая что-то в трясущемся кулачке, она неутомно следила за всеми действиями внутри крошечного, кажется, безопасного мира. Влажные, слегка обветренные губы прямо в душу нашёптывали ласковые речи, в которых нуждалась будущая мама. Мечтая забрать всю боль себе, мужчина изводился, дёргался от трескучего ветра снаружи, от слабых шорохов откуда-то неподалёку, от возгласов врачей из коридора. Находясь в странном, подвешенном состоянии, невозможно прийти в чувства, донести до разума, что в конечном итоге, всё вернётся, станет прежним. Белея с мину-

тами сильнее, человек подсаживался ближе, старался, как можно меньше давить на возлюбленную, но не мог отойти даже к двери. Ему хотелось прирасти к ней, уберечь от всевозможной угрозы, лишь бы не лишаться кое-чего дорогого.

Неожиданно, в палату вошла медсестра. Она открыла скрипучую, старую, металлическую дверь снаружи и точно также заперла изнутри. Походка и внешний вид дамы отнюдь напоминал схожий обслуживающий персонал. Униформа, состоящая из длинной, тёмно-зелёной рубашки и широких брюк, чистая, светло-голубая маска закрывает почти всё лицо, поверх находятся пластмассовые очки, и, кажется, балалака, которую женщина сняла перед появлением. Отбрасывая в сторону все защитные средства, она осмотрела пациентов лёгким и обнадёживающим взглядом. Ребята, видимо, доверяли ей и даже не озирались в сторону, будто ничего не изменилось. Без лишних слов, медсестра поменяла капельницу, протёрла нежно салфеткой лоб женщины и присела на край кровати, где не лежало одеяла. Ощущая нагнетающую неуверенность, внутри всё сжалось, как при первой встрече с необычными клиентами.

– Ну? Как вы тут? – с хрипением заговорила молодая медсестра, прокашлявшись робко в кулачок.

– Всё болит. Когда я уже смогу увидеть свою девочку? –

нервничая, мама перешла на грубый тон в голосе, перебирая ноги под скомканной тканью.

– Сейчас позову врача, он вас осмотрит. Вы пишете дневники, как я вам говорила?

– Да, но зачем мне это? Я не понимаю.

– Просто дружеский совет, – худая девушка приподнялась с постели, расправила одежду, подобрала скоро выброшенную маску и покинула палату, оставив встревоженных родителей снова одних, наедине с хаотичными, порою, пессимистичными мыслями.

Их переживания легко понять. Зная заранее, какая ждёт судьба в ближайшие месяцы, они были готовы пойти на риски ради спасения ребёнка, которого совсем не знают. Однако, после появления на свет ещё одной нераскрытой души, на какое-то время, осчастливившие родители позабыли о цели эксперимента. Здесь, как в глобальной пищевой цепи, рано или поздно, всевышняя сила, в лице невоспитанных людей в зелёной униформе, заберёт крошечное счастье, которое ждали всю жизнь. В забытой местности, куда не доставали даже слабые радиосигналы, так поступали абсолютно со всеми. Решив наградить дитя необычным именем, родители ухаживали и следили за обузой. Мать вскармливала девочку

ку грудным молоком, пока то неожиданно не закончилось. Тревожный, как ночной кошмар в суровой реальности, звонок заставил вернуться в пучину отчаяния и страха молодых людей. Им не удалось распробовать послевкусие счастья, что побывало в руках чуть больше двух месяцев.

Крепко, но нежно поседевшая юная женщина держала крошечный свёрток, откуда доносился слабый писк. В метре на полу, прижатый лицом к сырому линолеуму, лежал возлюбленный. Его хрипы, судорожные вздохи и кроткие сопротивления не удручались успехом, а наоборот, усугубляли положение. Трое мужчин, полностью покрытых пахучей, плотной тканью, протягивали ненавистные ладони к тому, что когда-то было частью женщины. Действия незнакомцев аккуратны, можно сказать, осторожны. И пока мать осматривала всех нападавших, один, особо незаметный охранник оторвал от груди малышку и убрался прочь. Озверев на месте, за несколько ударов сердца в груди, родители переменялись. Их злость и ненависть направилась на людей, что пытались вытиснуться из крошечной комнаты, как засор в старой трубе жилого дома. Тыча электрическими палками, нещадно вырывая волосы, они не прекращали оборону яростных бестий, что не желали отдавать своё сокровище. И пока преимущество оставалось на стороне людей в униформе, окружающие смеялись и радовались, будто посетили представление цирка. Стёртые, напрочь, глаза, отёкшие, лукавые улыбки

ки дёргались на искусственных лицах, что окружали несчастных родителей. И пока девочка плакала, носом вода по мокрой простыне, ища тёплую руку матери, прозвучал выстрел. Душераздирающий крик, наполненный злобой и безумием перетёк в тихую боль, угасающую вместе с яркими, зелёными глазами.

Но это вовсе не конец, как вы можете подумать. Внутри маленького свёртка, что свободно умещался в одной руке, лежало нечто живое и очень тёплое. Огонь, благодаря которому девочка жила, не позволил покинуть наш мир тогда, когда, казалось бы, не оставалось ничего более. Они оторвали от материнского тепла, намереваясь сделать нечто ужасное. Люди, что тщательно изучали каждый сантиметр мягкого тела, отдали ребёнка на попечительство местного научного гения. Именно он создал первый документ в честь необычной девочки с ярко-красным камнем в груди.

– Босс, куда её девать то? Она мне все пальцы обсосала уже, – сдирая влажную маску с лица, пожилой охранник невысокого роста с грубым, хриплым голосом обратился к вышестоящему персоналу.

– Ты держишь, возможно, самую дорогую вещь, созданную в стенах этого воистину волшебного места, идиот. Я заполняю важные бумаги, – смачивая пальцы перед перели-

ствыванием страницы, помпезный парень с явным облысением что-то напевал себе под нос, пока внимательно обдумывал некоторые детали дела, – помёт: второй; вес: семь килограммов триста граммов; прививка: антирабический иммуноглобулин, АДСМ; имя: объект двести шестьдесят один, кличка... как ты говорил, она её называла?

– Ха... Харухира, наверное, надо пересмотреть запись видеокамер.

– Харухира, значит, – возвращаясь к кипам заметок и бумаг, парень изменился в лице, – в ясли её. И отдай рыжей эту бумагу, пусть заполнит остальное.

– Она, кажется, есть хочет...

– Говори всё нянькам, не мне. Первый день что ли работаешь здесь? – сотрудники распрощались на недоброй ноте, однако, их взаимоотношения – пыль на нашей непротопанной дороге из сорняков и мусора.

Хочу рассказать немного о жизни человека, который совсем не знал, о нашем мире. Всё своё свободное время проводила взаперти с другими детьми, находясь в комнате с идеальным освещением и одной прозрачной стеной. В группе, в которой Харухире пришлось прожить какое-то время, на-

ходило ещё двадцать таких же обречённых. К своему триумфальному выпускному дожили всего шесть особей. Их не били, не издевались над ними, не дарили им любовь и заботу, не целовали перед сном на прощание. Отданное в когтистые лапы судьбы, молодое поколение читало протёртые книги, играло с воображаемыми друзьями, пыталось наладить отношения с злыми, порою, жестокими или чересчур равнодушными, нянечками. И когда возраст подрастающего поколения медленно перевалился за порог двух лет, за детьми пришёл их лысый надзиратель, не выдавший в лицо ни одного из своих подопечных. Выстроив в ряд всех мальчиков и девочек в одних трусиках, он, с той же отвратительной привычкой, облизнул палец липкой слюной и перевернул страницу дела.

— Двести шестьдесят первый, — на презренный, строгий голос отреагировала рыженькая полная дама с красивым шёлковым фартуком на груди.

— Вот она, маленькая, — подталкивая птенчика вперёд, она слегка нагнулась, чтобы поправить свисающую прядь неухоженных волос с левого глаза.

— Я вижу. Дохлая, — засовывая папки обратно в подмышку, мужчина присел на колени, подтащил к себе крошечное тельце рывком за руку, поправил РМО и включил налобный

фонарь, мыча что-то невнятное под нос, – почему не постригли?

– Что? – блуждая в собственных мыслях из наслоившегося страха и неизвестности, женщина среднего возраста покачала головой.

– Почему не постригли говорю? Или это парик? – схватив матёрую прядь не расчёсанных, прямых волос, надзиратель дёрнул в сторону.

– Что вы делаете? Ей же больно! – падая вниз к девочке, нянечка принялась бережно тереть то место, где концентрация неприятных ощущений была максимальная. Но ребёнок терпел, лицо, полное безразличия не выдавило ничего, только скупая, прозрачная слеза стекла незаметно по красненькой, пухлой щеке.

– Странно. Неважно, налысо постричь всех, немедленно, – раскрывая челюсти ребёнка, мужчина заглянул в полость рта, уши, ноздри и перешёл на глаза. Правый удалось осмотреть, хоть мужчине что-то в нём не понравилось, он всё же промолчал, – почему она левый закрытым держит? Ячмень?

– Нет, её осматривал участковый врач. Со зрением всё в

порядке, только зрачок какой-то странный.

– Да, вижу. Это впервые, надо зафиксировать. Почему вы раньше не сказали? Вам разве не вбивали в бошку, что всё необычное нужно докладывать?

– Простите, мы не думали, что она доживёт до выпускного.

– Помимо длинных седых волос и синдрома кошачьего глаза было что-то ещё?

– Она не разговаривает.

– Совсем?

– Даже не пыталась.

На этом закончился этап перевода девочки во взрослую группу, откуда нет пути обратного.

В скором времени новым домом стала небольшая комната с синими изрисованными стенами, коричневым, местными выдраным, линолеумом. Помещение требовало ремонта: краска, из-за сырости и спёртого воздуха, давно вздулась, угол прогрызли крысы, повсюду лежал их помёт и куски шер-

сти, побелка местами пожелтела и тоже сыпалась. Мебель, которой сильно обделили, не восхищала. Скрипучая, металлическая кровать, деревянный стол с минимальным набором книг, которые не изменятся в течение десяти лет, и биотуалет – всё, что имела комната. Из одежды в личном пользовании была, выдавшая лучшие года, блузка и плотные, вязанные носки, что прослужили пару месяцев, не больше. Какое-то время девочку даже не посещали мысли о том, что где-то может быть лучше. В её скромном пенале из оторванной ткани и проволоки лежало четыре цветных карандаша и зажим под грифель, которым она училась повторять буквы из приевшихся книг и журналов. Когда рука уставала от частого писания, девочка прислушивалась к внешнему миру, запертому от чужих, любопытных глаз. Где-то вдали кто-то вечно ногтями ковырял бетонную стену, другой лизал облупившуюся краску. Невыносимые крики звучали каждый третий день, тогда вылезать из-под кровати совсем не хотелось. И только громкие шаги медсестры заставляли малышку выбраться наружу.

Каждый месяц сильно отросшие, порою до пяти сантиметров в длину, волосы обрезали под корень большой, громко рычащей машинкой, оставляли небольшие ранки возле мягких ушек и шеи. Ещё чаще девочку навещали охранники, их она узнавала по мерзким, лязгающим шагам, доносящимся из начала коридора. Незванные гости меняли сор-

тир, заставляли девочку прижиматься лицом к стене, чтобы та не предприняла никаких лишних действий в сторону громадных мужчин с электрическими палками. И даже таким безнравственным гостям Харухира была рада, ведь в последствии её картонное одиночество превращалось в бесконечную агонию боли. Мечта о спокойном времяпрепровождении – самая яркая звезда разума. Приблизившись к порогу в восемь лет, девочка стала ещё желаннее. В перечень процедур вошли инъекции, которых боялись даже взрослые. Со временем предплечья и бёдра стали походить на разорванную мишень для дартса. Порою, медсёстры не дожидались скорого восстановления тканей, образования шрама, и кололи туда, куда залезала пяти кубовая игла. Им становилось всё труднее и труднее попадать в вены, поэтому иногда, для внеплановых процедур, использовали шею, заднюю сторону колена и нижнее веко. Нарастая с годами сильнее, шрамы срастались, перекрывали друг друга, напоминали клубок паутины. Тогда девочку вводили под общий наркоз, засовывали трубку толщиной с большой палец и вводили препараты напрямую в желудок. С каждым годом процедуры менялись, учёные изощрялись, чтобы использовать организм по максимуму, проверяя повышенную регенерацию тканей, ногтей и волос. Испытывая каждой клеткой тела гнев чистилища, девочке приходилось спать стоя.

Абсолютно все углы этого места были пропитаны нена-

вистью и злобой. Ночные внезапные всплески чего-то ужасного, громадный вопль чудовищ и бессмысленный бред не здравого рассудка были нормой. Ни единого острова, куда можно податься заблудшей душе. И лишь тёплые улыбки сестёр, которые иногда проявляли человеческие чувства, давали надежду тем, кто никогда не бывал на свободе. Некоторым удавалось сбежать отсюда, однако, все, без исключения, возвращались по-отдельности в нескольких чёрных, непрозрачных пакетах.

Чтобы вы лучше поняли цель и мотивы людей, трудящихся здесь, расскажу немного подробнее о загадочном замке в чаще леса. Когда-то давно, в эпоху юности наших пожилых взрослых, сначала группа учёных захотела вывести новый совершенный вид, чтобы использовать его в корыстных целях, разбогатеть и захватить власть. Пытливые умы позарились практически воскресить давно умерших тиранов, что жили далёкие миллионы лет назад. Но с появлением вторженцев разработка новой расы приостановилась. Тогда, получив добро на использование людей в экспериментах, учёные с большим усердием вновь завели колымагу создания новой расы, которая должна была уничтожить нового врага. К сожалению, а может и счастью, ничего не удалось. Тогда собравшись в Японии, все корыстные гении планеты объединили усилия, создав, самый масштабный проект в истории человечества. Хоть некоторые корпуса разграбили,

не без помощи вторженцев, разработка не приостановилась. Большая часть группировок, с самыми креативными учёными, погибла или расформировалась из-за разных взглядов и ценностей, преимущественно человеческой жизни. Те, кто остался, под натиском морали и совести, продолжали эксплуатировать всё, что дали государства и их властители в кровавые руки мясников.

Отчаянно истерзывая тела мелких млекопитающих, никто не продвинулся дальше смерти подопытного в течение трёх секунд. Крошечные организмы не выдерживали те нагрузки, которые возлагали на них люди. Тратить долгие годы на мнимый шанс сделать волшебную, безвредную супер-дозу для человека на животных, не желали. Поэтому, получив психически нездоровых в контейнерах в размере ста штук, гении приступили к отгадыванию тайны.

Первый человек, который после трансформации не выглядел, как желе, положил начало новой эпохи. Не способный даже дышать, он умер в течение часа, выbleвав кровь и собственные органы из брюшной полости. Его осматривали десятки врачей, продлевали жизнь на адреналине, но ничего не помогло. Оказавшись слишком сырым, экземпляр требовал больше мутаций и силы, чтобы выдержать мощь тирана, которого планировали внедрить внутрь тонких стенок сосудов человека. Сто тридцать первая тварь заживо сварилась из-за

повышенной температуры тела. Пятисотая разорвала уборщицу пополам, пожилая женщина думала, что подопытный в коме. А подобравшись к трём тысячам, спустя почти четыре десятилетия, учёные с уверенностью смогли сказать, что воплотили всё, что жаждали.

Новый искусственный вид рос под влиянием облучения, с использованием артефактов неизвестного происхождения и скрещивания рептилий самых необычных видов. Не одна тысяча людей погибла в результате создания идеальной расы – так называли безумцы своё творение. Первоначальное обозначение состояло из двух латинских слов «Ното» – человек и «Vaga» – варан. Но даже творцы не знают, сколько изуродовали данных, чтобы получить желанное. Только по общим чертам и повадкам в монстрах мелькало до тридцати различных типов, классов, семейств и даже видов особей. Как бы не хотелось, от всех они получили не только благословение. Вместе с прекрасным чутьём и острым зрением несчастным досталось множество принеприятнейших мутаций, проблем со здоровьем. Чтобы вы могли себе представь хоть немного, первый экспонат, который не погиб в течение дня, был с четырьмя перепончатыми лапами и еле ходил. Через несколько лет опытов особи свободно летали по вольеру, но не возвращались к высшему разуму. Спустя ещё десяток лет, они охотно реагировали на команды, но с тем же удовольствием поедали себе подобных. К сожалению, многие потерялись в ре-

зультате неаккуратной транспортировки. Чем дальше – тем сильнее и умнее становились твари. И ближе к нашему времени, учёные выявили особенность. Виверна – *Homovara*, может обратить эффект преобразования. У человека деформируется сердечно-сосудистая система. На груди появляется мутный артефакт, напоминающий драгоценный камень. Частично сердце врастает в него, из-за чего извлечение камня неминуемо приведёт к смерти. Но это лишь малая часть проблем. Температура тела необратима повышается до критической, но не смертельна для нового вида. В стандартном состоянии эта отметка достигает сорока градусов.

На момент рождения Хару, учёные смогли вывести три вида виверн: белые – наименее распространённые, сильнее своих собратьев по всем показателям (мощи, размерам, ярости), имеют отличительный светлый внешний вид и морду, что напоминает бойцовую собаку; красные – первая мутация после скрещивания виверны и летучей мыши, сильно видоизменена морда, брюхо и нёбо ярко коричневого-алого оттенка, нижняя челюсть не скреплена костным наростом; жёлтые – распространены больше остальных, слабые, цветовая палитра сильно меняется от вида к виду, но именно их объединяет светло-жёлтая пасть, как у птенцов воробьёв.

После тщательного изучения малышки учёные не могли понять, к какому виду отнести нового члена семьи. Её раз-

меры внушали страх даже тем, кто привык видеть виверн повседневно. Густой мех на шее и спине больше напоминал млекопитающего, а не варана. Гигантские лапы с лёгкостью позволяли ей взмыть в воздух, сила, с которой та поднималась заставляла пошатнуться любого, кто был неосторожен. Толстый хвост балансировал с тяжёлой головой, а три ряда зубов до смерти устрашали и так мощное существо. Эта особь не была похожа ни на один известный вид, чем сильно заинтересовала высшее, сильно ограниченное общество. К своему десятилетию Хару уже имела шесть потенциальных партнёров для спаривания, чтобы дать новое сильное поколение. Однако, некоторые скептики больше склонялись к тому, что девушка родилась с отклонением, нежели наградой. Её врождённые пороги с возрастом проявлялись с невероятной скоростью. Тело совсем не полнело, волосы постоянно росли, но при том сыпались и путались, а глаза, что пугали даже самый закалённых врачей, заставляли их отворачиваться при виде девочки. Дело в том, что с возрастом они изменились. Левый зрачок напоминал больше кошачий, а не человеческий, а вот правый походил на песочные часы, стёкшие к низу. Из-за недостатка воспитания, образования и внимания росла Харухира недоразвитой. Не зная элементарных правил гигиены, она с трудом ухаживала за собой. Никто не обучал её, не рассказывал о нормах приличия или основах физики, химии, биологии. Требовалось одно – дожить до возраста полового созревания. Но на пути к нему

произошли непредвиденные трудности. Чем больше Хару-хира подвергалась насильственным действиям со стороны учёных, тем меньше могла контролировать себя. В какой-то момент нервная система дала сбой, и где-то внутри малышка сломалась. Нескончаемые взрывы разрушили два блока и три корпуса с медицинским персоналом, пока новоиспечённой ставили клизму. Агония продолжалась до тех пор, пока пытливые умы не догадались посадить бестию в карцер. Место, где температура ежесекундно поддерживалась до пяти, порою нуля, градусов стало домом девочки. Благословение, или же проклятье, нарекло девочку на нескончаемые страдания внутри металлической коробки. К чрезмерно холодному полу прилипали ступни, порою цепь, что натирала ноги до костей, отходила вместе с плотью. Замёрзшая собственная кровь разыгрывала аппетит девочки. Медленно сходя с ума, она лизала стены, пока язык не покрылся волдырями, размерами с перепелиное яйцо. Гноясь и разрываясь во рту, прыщи жгли, принося нестерпимую боль. Так страдальца понимала, что всё ещё жива.

Низкая температура сдерживала мощь камня, что накаливался без влияния носителя. При таких условиях мало, кто способен проявить себя. Здесь благоприятно сыграла мутация внутреннего обогрева, когда всё тело сжимается в агонии, надеясь спрятаться от холода и одновременно не боится от перепада. Горячая кровь настолько эффективно спа-

сает органы от переизбытка мороза, что девочка не способна замёрзнуть. Преимущество стало проклятием, от которого невозможно избавиться.

Теперь за девочкой следили перманентно. Практически год она не видела света, посещала лишь уборную и лабораторию, куда её водили под сильными транквилизаторами. Уже однажды Харухира разрушила центральный корпус с ценными экспонатами, образцами, данными и людьми. Позволить произойти такому ещё раз – непозволительно. И чтобы минимизировать шанс взрыва, девочку полностью оградили от воды. Ведь для трансформации Хару требуется до трёх тонн жидкости, чтобы воссоздать свою виверну в точности, как раньше. В теории, она может использовать влагу из воздуха, деревьев, почвы и прочего, только никогда не пыталась. Вода необходима для формирования костей, тканей, мышц и органов. Тело виверны с возрастом практически не меняется. Некоторым добавляется ещё один ряд зубов, кто-то страдает от расслаивания языка, позвоночник тоже подвергается сильным мутациям. Чем новее вид, тем больше патологий наблюдалось в нём.

Вернёмся к главной героине. Просуществовав всё детство в тайном подземелье, наверняка она знала лишь то, что большая, жёлтая палка делала больно. О добре и зле только догадывалась, возможно. Видела в жёстких надзирателях ко-

го-то доброго, но изредка, кто в крошечной тьме гладил по затылку, замазывал вонючими травами раны, периодически нашёптывал имя, чтобы под натиском сумасшествия его точно не забыли. Но ведь не одна Хару становилась безумной здесь из-за каждодневного ужаса. Сотни таких же обречённых находились порою на расстоянии вытянутой руки. Выплеснув всю злобу и обиду, они, не без помощи крылатого, чёрного демона, сровняли бы лабораторию с землёй. Только неизвестность сдерживает их от побега, от чувства неконтролируемого счастья. И умерев в тот момент, они ничуть не пожалели бы. Но даже в блаженных снах, где она лежала на удобной кровати и пила фильтрованную воду, такое не происходило. В уме ежесекундно, каждое моргание, звучала фраза: «Твоя цель намного выше нашей». И только неизвестное предназначение имело вес в жизни девочки.

Миновал ещё год. Благодаря подтекающей крыше Хару-хира научилась отбивать ритм пальцами, пока те ещё могли двигаться. Неоднократные, странные припадки во сне вызвали рвотные позывы, шум в области висков и галлюцинации. Абсолютное одиночество не шло на пользу, а наоборот, медленно убивало, как постепенно капающий в вену яд. Чувствуя всё меньше интереса к внешнему миру, она пропадала, забытое всеми на столе яблоко с глянцевым, красным ажуром. С возрастом огонь в зеленоватых, блеклых глазах с тёмными синяками гас. Но что-то должно было его разо-

ГНАТЬ ВНОВЬ.

Всё началось с непривычного утреннего шума. Передвигая странные поддоны по полу, персонал бегал из стороны в сторону. Их разговоры отчётливо слышали все, но никто не углублялся в суть. И когда девочку перевели в комнату поменьше, шум затих. Была бы Хару чуть образованнее, подумала, что барабанные перепонки лопнули, или кто-то выключил звук в наушниках. И, возможно, она ощущала бы минимальный комфорт в этом месте, если бы не была прикована к холодной металлической стене, её ступни не прилипали бы к полу, а губы не слипались. Пробыв в позе попрошайке чуть меньше восьми часов, девочка почувствовала движение. Но её смущало не только дребезжание всей комнаты, по ногам стекало нечто тёплое, раздражая кожу, вызывая щекотку и какие-то другие странные ощущения. Столкнувшись с чем-то новым и страшным, медленно чувствовала, как взрослеет. И не получив ответов на разумные, всплывающие вопросы, погрязла в пучине бессилия и апатии ко всему окружающему миру.

Вскоре всё зашевелилось, загромыхало. С потолка начали падать наморозившие куски снега и льда, они сыпались на голову девочке, на прилипшие нежные пальчики, на тёмную лужу, стекающую к углу. Робкие вдохи арктического воздуха покрывали лёгкие небольшим инеем, вызывая колкие бо-

лезненные ощущения во всей груди. Оказавшись внутри холодильного фургона, девочка в сопровождении кортежа, из трёх чёрных, бронированных машин с людьми в униформе, отправилась в неизвестное, далёкое путешествие к новому миру.

Двумя часами ранее, на ровную поляну, которую будто создали для прятков в гуще леса, приземлился длинный чёрный вертолёт с черепом на корпусе. Разбудив всё место зверьё, машина приземлилась на своё заслуженное место, где, не дожидаясь заглушки двигателя, открыла дверь нараспашку, широкоплечая высокая женщина. Грозно рывкнув на всю округу, она заставила водителя остановить движение лопастей и успокоить металлического дракона. Никто не стал спорить с дамой, что носила маску окровавленных зубов демона. Вместе с ней прибыло ещё трое молодых людей, которые несильно отличались друг от друга. У всех на голове чёрная, короткая шапка, на груди и спине бронежилет, камуфляжные штаны с кобурой и толстым кожаным ремнём. Те, кто вышел с заднего отсека, носили чёрную балаклаву, перчатки и сапоги, поэтому их лица трудно описать. Сильнее всего в молодых людях отличались голоса. Женский тон был командный, очень дерзкий, немного с завышенным чувством важности. Первый мужской хриплый, видимо, носитель средних лет, много курил и ругался так, что гортань не выдержала. Второй парень почти не ввязывался в беседу, на-

блюдал за окружающим миром: ветром, птицами, закатывающимся Солнцем за горизонт. Он имел более нежный, юношеский тон. Будь постарше, то завлѣк бы многих дам в ловушку. И третьим остался таинственный водитель, который не рискнул покинуть транспортное средство.

– Сколько у нас времени в запасе? – осматривая местность, женщина вытащила рацию, выбрала канал и встала в ожидании таинственного ответа.

– Около двух часов, можете расслабиться, – кажется, с малой долей издёвки голос по ту сторону сообщил радостную новость.

– Если бы ты был здесь, я бы твою маленькую бошку... – сигнал прервался на пренеприятное шипение, что раздражало даже терпеливый слух.

– Успокойся, у тебя будет время выплеснуть злость. Мы долго за ними охотились.

– Долго? Почти всю жизнь! Я проторчала два года в тюрьме, ради этих двух часов! – активно жестикулируя женщина ни на грамм не стала тише или спокойнее.

– Именно поэтому уничтожить орудие предоставилось те-

бе, – мужчина присел на пень, что оставило обваленное дерево, в которое когда-то попала молния, но почему-то не стёрла его бесследно.

– Вы уверены, что это то самое, что нам нужно?

– «Вторженцы будут очень этому рады», – неужели что-то ещё необходимо для твоего умиротворения?

– Для него достаточно сжечь их всех в аду.

– Лучше расскажи, как ты провела сегодняшнее утро, моя жена прекрасно варит яйца и лижет их тоже неплохо.

– Я не смогла уснуть, била всю ночь грушу голыми руками, пока не почувствовала хруст внутри.

– Ты сломала себе руку! – наконец прозвучал милейший голос ещё одного спутника.

– Это неважно. Ничто не должно помешать выполнению плана.

Подхватывая уверенность команды ввысь, молниеносно порыв умчался, прихватив пару тройку увядших листочков. Очень тревожно колыхались деревья вокруг, будто притан-

цовывали под неслышимую музыку. Их озирала палящая звезда, пекла, не желала покидать концерта. Местные жители и то разбежались по домам, не в силах терпеть не званых гостей. Только низко падшая трава, у коей не осталось выбора, примиренно ждала завершения.

К сожалению, порою время длится слишком долго, мучительно. Думая о конкретном событии, мы, сами того не подозревая, растягиваем часы. В таком же мерзком состоянии находилась буйная женщина, которая буквально отсчитывала секунды до наступления судьбоносного звонка. К нужному моменту она почти собралась с мыслями, с бесконечными терзаниями и волнением. Почти ничего не мешало приступить к плану.

– Ми-2 запрашивает разрешение на учебный полёт, как слышно? – зависнув в воздухе, замысловатый аппарат ожидал ответа, совсем недалеко, буквально в пяти километрах проезжал интересующий белый фургон с большим пингвином вместе с двумя чёрными, короткими машинами.

Вся команда сжалась в нетерпении. Слабый скрежет голоса по ту сторону радики дал понять, что результат положительный. Почему вертолёт продолжил свой путь, минуя все преграды. Совсем скоро он нагонит кортеж и также остановится, рассекая прерывистый ветер.

Змеевидная дорога, протяжностью более тридцати километров, огибала леса, овраги и ямы. По ней медленно, осторожно перемещался небольшой фургон, за которым сидел водитель в чёрно-белой шапке с логотипом компании, что продаёт мороженное. В салоне играла слабо музыка, иногда похрипывая, радиосигнал с трудом позволял слушать качественные звуки. Мужчина качался из стороны в сторону, притоптывал порою ногой и что-то небрежно насвистывал, дёргая пальцами правой руки, что лежали на руле. Возможно, он вовсе не знал, какой важный груз доверила ему компания. Тем не менее, у судьбы на всех свои планы.

Молниеносно, красный шар с длинным дымовым хвостом влетел впереди движущийся чёрный автомобиль, водитель фургона даже не видел тех, кто находился внутри. Неожиданно транспорт перевернулся и вскоре слетел с трассы вниз, в траншею, где повторил сальто и приземлился на крышу, изувечив в фарш всех пассажиров. Впервые увидев нечто подобное, мороженщик обе ноги вжал в педаль тормоза, зад машины развернуло, из-за чего дорога оказалась перекрыта фургоном. Судорожно опустив глаза вниз, он пытался разглядеть происходящее сзади. В зеркале снаружи мелькало что-то чёрное, клубы нагара, беспросветного дыма прятали за собой всю картину, однако звуки странного скрежета давали понять, здесь кто-то есть. Не зная дальнейших указа-

ний, мужчина сел в тревожном ожидании, положив обе руки на руль. Так он пробыл не больше двадцати секунд, пока на крышу с грохотом что-то не упало. Прогнув на пару сантиметров толстый слой пластика, нечто издало характерный шум движущихся шагов. Не прошло и нескольких секунд, как лобовое стекло треснуло от мощного удара извне. Водитель взвизгнул, словно маленькая собачка, на которую случайно наступили. Пытаясь выбраться из, когда-то комфортного, фургона, толкая плечом дверь, он не мог нащупать ручку, постоянно озирался по сторонам, но никого рядом не видел. Ненадолго страх исчез, но вновь вернулся, когда из разбитого стекла вылезла рука, что схватила несчастного за шиворот и вытащила наружу. Там, вознося мороженщика к Солнцу, стояла грозная фигура с ярко-зелёными глазами. Более она ничего не делала, только рассматривала водителя и остальное окружение.

– Один? – гнусаво-мерзко произнесла знакомая нам женщина.

– Один-один! Я никому не расскажу! – вереща, как напуганный щеночек, мужчина дёргался из стороны в сторону, пытаясь выбраться из собственной одежды.

– Ну конечно, – сбросив заложника вниз на горячий, твёрдый асфальт, дама прошла к хвосту фургона и тоже спрыг-

нула.

Ожидая увидеть сложный замок или хотя бы цепь, она премного удивилась, сбросив все инструменты и даже взрывчатку. Никого рядом не было, даже птицы куда-то разлетелись в страхе оказаться в ненужном месте.

– Тут даже кода нет, он открыт! – передавая по радиации немаловажную информацию, женщина продолжала испытывать негодование и немного возмущение со страхом.

– Чего же ты ждёшь тогда? Открывай! Мы ждём на берегу, – быстро закончив странный разговор, координатор сбросил линию связи.

Снова оставшись наедине с неизвестностью, женщина осталась разглядывать металлические прутья, да так, будто не знала, как с ними следует поступить. Но вскоре горячая кровь прилила к мозгу, разогрела его, расшевелила и заставила вспомнить, что времени осталось чересчур мало. Поэтому раставив в стороны ручки, она зажмурилась. Поток ледящего холода сразу же встретил её, будто ждал. За ним последовал неприятный запах тухлятины. Вонь быстро приедалась, при том была не самой худшей. Самое печальное, что пришлось пережить, так это разочарование. Внутри незапертого фургона оказалась лишь пустота. И только пе-

чальная тьма окутывала его изнутри.

– Здесь ничего нет, – медленно убирая рацию, необычная разбойница прислушалась. Странный шорох, напоминающий хруст снега, раздался где-то вдали.

– Кто там? Руки за голову! – снимая массивный обрез со спины, длиной чуть меньше её собственного предплечья, она всматривалась во тьму, пока глаза не привыкли чёрным очертаниям и не разглядели в глубине необычный силуэт.

Там прикованная к обмёрзшей стене сидела девочка, держа вверх руку, что напрочь онемела. Она даже не открыла глаз, чтобы взглянуть на незнакомку, видимо, спала. Нестерпимая усталость вместе с гормональным сбоем сильно подавляла её самочувствие. Отчего экстренная остановка фургона, взрывы, даже скрежет разбитого стекла не смогли достать девицу из спячки.

Взглянув на отвратительное зрелище: натёртые до костей кисти, обветренные синие губы, покрасневшие кончики пальцев и ободранные колени, разъярённая бандитка не смогла остаться равнодушной. Простояв с приоткрытой дверцей меньше минуты, она почувствовала осязаемый холод по спине. Странное чувство мнимой справедливости заставило её принять решение в сторону спасения рабыни. Ей

ничего не стоило разогнуть одно звено цепи и забросить лёгкую тушку на плечо.

И пока женщина выбиралась из фургона, спрыгивала в траншею и выбирала наиболее короткий путь до пляжа, девочка проснулась. Её маленькое мировоззрение не позволило понять сути происходящего. Окружающая обстановка слишком быстро менялась, всё тряслось и пахло по-другому. Во этом хаосе девочку успокаивало одно: необычная теплота человека, что несла её. Буквально тая от прикосновений, она не знала большего счастья, чем жар чьей-то руки. И больше ничего не имело значения. Вместе с этим необычным, но сильно значимым качеством, выделялся запах, он был сладок и напоминал лимон, хоть Харухира с трудом бы поняла того. Находясь между дремотой и реальностью, она впервые почувствовала себя лучше, будучи на прохладном свежем воздухе без запаха плесени и сырости, не прикованная ледяными прутьями и не зашуганная до изнеможения.

Ниже трассы, приблизительно на метр, а может и глубже, находится небольшая, заросшая мхом и низким колючим кустарником канава. Когда-то её предназначением было транспортировать излишки после дождя обратно в океан, но с годами потребность в том иссякла. Теперь это забытое всеми место может использоваться только для прятков. А чуть поодаль уже нет почти ничего. Низкая трава, которая выраста-

ет почти до десяти сантиметров покрывает большую часть открытой местности, которую аккуратно прячет за собой лесополоса из хвои.

Солнце стояло высоко в небе, палящие его лучи жарили всех, кто не успел скрыться от звезды подальше. В такую погоду местным жителям становилось очень нелегко. Повышенная влажность усложняла их положение. Находясь в долгосрочной ароматной бане с запахом лиственницы, животные зарывались в землю или прятались в небольших укрытиях под деревьями.

Преступникам же деваться некуда. Ожидая товарища подле берега в течение пяти минут, они даже не обмолвились словом. Кажется, их несильно разочаровал факт нарушения плана. Больше остального мужчин беспокоила жара, от которой точно не спрятаться. Тем немногим тешили себя, что окунали кожаные, накалённые ботинки в лазурную, блестящую, немного буйную воду. Сильные океанические волны отталкивали ближе к берегу скутеры, но не переворачивали, создавая впечатление немного уставших американских горок. На них поглазеть спустились откуда-то с неба любопытные чайки.

– Это какая-то шутка! – возмутился сильно низкий, прокуренный голос с криво посаженной шапкой к левому уху.

– А я тебе, что говорила? – риторически ему ответили.

Глазев на худенькую, бледную девочку, мужчины быстро генерировали в голове мысли о том, как дальше поступить. Человеческий мозг достаточно сложная и очень интересная вещь, поэтому ей понадобилось совсем немного времени, чтобы выдать наиболее логичный ситуации решению.

– Надо пристрелить её, – сидя на водном мотоцикле спиной к остальной части команды, координатор ничуть не усомнился в верности своего предложения.

– Пристрелить? – интонационно женщина всё же выделила странный, наспех выброшенный, вердикт.

– Она ведь не щенок, чтобы её забирать с собой. Мы даже не знаем, почему она оказалась там и не можем рисковать.

Никто не желал брать груз вины и ответственности на себя. Поэтому, взглянув друг на друга ещё раз, товарищи решили, кто станет воплощать в реальность суровый план. К сожалению или счастью, выбранный единогласно палач ненадолго замялся в исполнении приговора. Долго ощущая плечом ледяную, бездвижную тушку, замотанную серой тканью испачканной кровью, женщина не могла однозначно ска-

зять, желала девочке смерти или нет. Где-то внутри играли забитые ногами материнские чувства и жалость, испытываемая к кому-то редко и слабо. И, не опустив даже глаз на торчащий из-за спины обрез, женщина ненадолго ослепла. Горячий поток воздуха подорвал весь пляж наверх. Грязь, песок, куски глины и рыбы разлетелись по сторонам не зависимо друг от друга. Скутеры откинуло чуть дальше к океану, люди, что находились поодаль кричали и звали на помощь, но никого не видели. Разного вида мусор залетел в глаза, рот и уши, забил все рецепторы и только конечности помогли им выбраться из облака неведения.

– Скорее-скорее! Военные! – кричали товарищи, забегая в прохладную воду, быстро перебирая ногами, расплёскивая всё вокруг.

– Подождите, где девочка? Моя рука... болит? – оказавшись в центре кошмара, женщина с звенящей головой с трудом разбирала крики, что доносились очень далеко. Она медленно шла вперёд, тяжело поднимала то одну ногу, то другую, крепко держа себя за плечо.

– Быстрее-быстрее! – постоянно повторялись слова не известных ранее людей.

Очень быстро взмывший вверх песок осел и кругозор очи-

стился, картина стала более понятной. На расстоянии меньше десяти километров виднелся военный вертолёт, который сильным шумом лопастей гремел на всю округу. Один товарищ, наиболее стеснительный и робкий, остался на берегу, сидя на мотоцикле, остальные же при первой возможности уехали подальше от неизвестного взрыва. Девочки в грязных лохмотьях не нашлось, как и левой руки женщины. Поняв это, она собралась закричать, но вовремя набрала воздуха в лёгкие и, зажмурив глаз, да посильнее, быстро забежала в воду. Забраться на мотоцикл без посторонней помощи оказалось невозможно. Но страх попасть за решётку был сильнее боли оторванной конечности.

Наконец четвёртый мотоцикл тоже сдвинулся с места и, быстро разогнавшись до максимальной скорости, поехал за остальными. Силы ног пострадавшей хватало, чтобы удержаться на металлическом коне без помощи руки. С титаническим трудом она сняла ремень на штанах и перетянула плечо, периодически прикусывая язык.

– Ты – молодец, хорошо держишься, – не отвлекаясь от пути, огибая высокие волны и торчащие скалы, паренёк разговаривал так, будто пытался поддержать напарника.

– Где девочка? – переведя дыхание, женщина ещё раз повернулась назад. Но ответа не прозвучало. Сзади, почти в ту

же минуту, раздался громкий яростный крик большого существа. Звуки выстрелов, автоматная очередь, разрывание гранат его перекрывали, но недолго. Теряя огромное количество крови, женщина медленно засыпала, покидала сознание. Не способная увидеть тварь, что издавала тот страшный вой, пострадавшая держала глаза открытыми, насколько могла.

– Что? Что там такое? – всё плыло, как на запотевшем окне автомобиля, имело размытые силуэты, кривые очертания и краски. Что-то мельтешило, передвигалось, шумело, исчезало, вновь появлялось и тухло. На фоне пастельно-грязных цветов нависло неизвестное тёмное пятно от него развевалась, утолщалась к низу жёлто-красная линия. Огненный цвет заполнил, некогда светло-зелёную, поляну, полностью уничтожил, испепелил ближайшие лесополосы до обугленных, торчащих из-под земли, угольков. Сотни гнёзд, нор и прибежишь редких и не очень видов животных навсегда остались стёртыми с лица планеты. А образованный в результате стычки пожар уничтожит далеко не один гектар разных хвойных деревьев.

Вернёмся к нашим героям. Им не удалось остаться незамеченными. Правоохранительная единица техники в виде одного вертолётa с длинным носом, множеством бронированных стёкол и двумя пулемётами направилась вслед за ни-

ми не сбавляя темпа. По всей видимости происходящего, кто-то всё сообщил о захвате фургона. Но не успел железный гигант пролететь и трёх сотен метров, по направлению к океану, как в него поперёк лопастями влетает второй, такой же агрегат. Вместе они почти преодолели расстояние до разбойников. Ударная волна, образованная от падения двух громадных машин, подтолкнула мотоциклы дальше, дав больше скорости для того, чтобы скрыться за горизонтом.

– Она спасла нас, – оглянувшись назад, на умиротворённое лицо напарницы, что облокотилась на своего товарища поменьше, паренёк добродушно, но немного устало вздохнул и, переключив скорость, завернул за каменный остров.

Их след простыл, никто впоследствии не стал преследовать разбойников, что устроили саботаж, но, к удивлению, ничего не забрали. Кажется, у правоохранительных органов проблем было куда больше. Необычный ящер бесновался до тех пор, пока не уничтожил всю прибывшую технику. Поэтому только с наступлением вечера он улетел подальше от разведённого хаоса. Представьте на мгновение, что бы сделало существо, что всю жизнь провело в стенах выцветшей лаборатории? Сначала, он насладится свежим, прохладным воздухом, что проникает вместе с пылью в глаза и широкие ноздри, окунётся в тёмную, беспросветную воду, поймает пару крупных рыбёшек, что застряли в цветных корал-

лах и скроется в чаще, за небольшой деревней с населением в десять человек. Местные жители выращивают здесь рис в крупных количествах, продают его в соседние города и потому выживают. Прибытие незваного гостя они заметили сразу, однако, сильно удивились тому, что дракон проигнорировал присутствие посторонних и скрылся за кронами многолетних плодовых деревьев. Там ему приглянулось скромное место, поляна, небольшая лысина, где удобно покрутился вокруг, притоптал высокую зелень и лёг, крепко стянув веки. Вокруг сплошные лысые горы, что ласкают небосвод, ручьи, которые их делят, как тонкий разрез яблочный пирог. В низине, где не так скалисто, располагаются залитые водой поля, разделённые на аккуратные, длинные грядки, из них торчат ростки риса. Ценный ресурс собирают вручную, ближе к наступлению вечера, избегают сильной жары и перегрева. В деревне совсем немного домов: три частных и четыре общих, из которых склад и буфет являются собственностью местного старейшины. Вся инфраструктура похожа друг на друга, невысока и имеет два оттенка: светло-зелёный и тёмно-красный. Жители построили даже дороги! Тропинки состояли из шлифованных серых камней, выловленных со дна океана рыбаками с большего города. Между улиц стоят указатели, чтобы никто в темноте или по глупости не смог заблудиться. Повсюду вдоль дорожек растут цветы, колючие кустарники и целебные травы. Большая часть медикаментов здесь создаётся вручную. Почему выезды за пределы дерев-

ни редки.

Даже живя вне цивилизации, люди не оценили нового, необычного соседа. Как любой сельский житель хранит тишину, так он беспокоится о своей безопасности. Подобных габаритов летающий монстр им ещё не встречался, поэтому, не придумав ничего более, жители вызвали службу по отлову животных из ближайшего мегаполиса, что находился в трёх сотнях километров. Кроме приличного расстояния проблема крылась в ухабистой дороге без асфальтового покрытия. Поэтому необходимые органы прибыли лишь к утру, когда того совсем не ожидала Харухира, что дремала впервые на свободе. Ей было слишком трудно, чтобы сопротивляться и невозможно понять, для чего оно нужно. Много нового обрушилось на неё в мгновение и тут же испарилось, под плотной простынёй.

Приблизительно в четыре утра, когда только-только Солнце начало выходить из-за высоких холмов, две бронированные техники подъехали к спящему дракону на низкой скорости и остановились. На их спинах, лицом устремлённые к голове дракона, установлены громадные арбалеты размером с микроавтобус. Габариты орудия внушали сильный страх и уважение. Край наконечника находился на высоте приблизительно пять метров. Одним гарпуном люди прострелили бедро виверны, другим пригвоздили хвост к земле. Им боль-

ше не понадобилось мучить бедолагу, чтобы полностью заблокировать любые возможные пути отступления.

Пробуждённое чудовище разбудило рёвом всю округу. Привыкшие рано просыпаться местные, сильно пожалели о том, что вызвали специальный отряд на поимку дракона. Такого жалобного воя они не слышали никогда в своей жизни. Пронизывающий до костей крик замораживал кровь в жилах, до боли в конечностях. Ни один подумать не мог, что столь кровожадное, мерзкое создание может испытывать такое искреннее чувство страха.

Оперативная группа справилась за несколько минут. Обернув тварь плотной, жаропрочной тканью в несколько слоёв, они оставили прорезы для ноздрей, чтобы чудовище не задохнулось, сковали челюсти толстой неметаллической цепью. Крылья, ноги и шея тоже не остались бесконтрольными, их предварительно полили клейкой прозрачной жидкостью, обернули канатом из стальных нитей и стянули настолько, чтобы движение или сопротивление принесло животному страдания. Затем конец пут, что свисал с хвостовой части, подцепили к тросу вертолётa и подняли, в положении вниз пастью дракон пробыл свыше шести часов.

Полёт обещал быть сложным, поэтому инженеры перепроверили прочность нитей перед отправкой. Хоть бестия

вела себя удивительно мирно, никто не мог обещать, что так продлится вечно. Не нужно быть всевидящим, чтобы понять ту маленькую истину, всякое дикое существо рвётся на свободу. Потому, как только массивный агрегат, весом чуть выше семидесяти пяти тонн, оторвался от почвы, всполошив всё зверьё громким рёвом мотора и хлопанием лопастей, поверна напомнила о себе. Без возможности даже пошевелить ногами, она, расшатывая телом цепь, качалась из стороны в сторону, изгибала спину, словно аллигатор, подлетала к шасси, чуть касалась, мотая несчастный вертолёт так, будто играла в перетягивание каната. Обречённый дракон сопротивлялся даже тогда, когда был уверен в проигрыше. И, даже, казалось, успешные, попытки нарушить план эвакуации не сработали. Иногда транспортное средство приземлялось, персонал в синих комбинезонах и белых кепках проверял прочность креплений, затягивал потуже тросы и обильно поливал животное клеем. Таких перерывов было столь много, что главнокомандующий отдал приказ на усмирение шкоды. Медицинский персонал снял с некоторых трудящихся по куртке, скрутил наиболее чистую ткань в трубочку и неплохо обрызгал аммиаком. Конструкцию, напоминающую тампон, засунули в ноздри бестии. Сильно ослабленная, она погрузилась в дремоту наяву, почти всё слышала, но не понимала ясности происходящего. Игрища ненадолго прекратились, пока вертолёт не прибыл в пункт назначения.

Совсем стемнело. Вдали, под тёмно-синим небосводом, мелькали множество огней, переливались с освещением особняка, что стоял на скалистом обрыве. Друг за другом машины останавливались возле изящного, архитектурно бесподобного, здания, из них, вальяжно, прикрывая лицо различными масками, выходили люди в строгой, сильно прикрытой, одежде. О чём-то забавно разговаривая, они не обращали внимания на обслуживающий персонал, в чёрно-белой, идеально выглаженной форме, что потакал каждому слову и выполнял любые прихоти. Это место столь велико, что прислуг здесь насчитывалось вдвое больше, чем гостей. И всё же, особняк был прекрасен. В, ничем не огороженном, дворе располагалось кольцо, внутри которого высокий, трёхметровый мраморный фонтан со статуей Афродиты в неглиже. Всё самое прекрасное хорошо подсвечивалось яркими белыми фонарями снизу. Повернувшись лицом к зданию, можно заметить каменную тропинку к винному погребу и гостевой лачуге. Тут же вездесущий валет готов пристроить ваш автомобиль в подземной парковке и по первому зову вернёт его обратно. Любезные официанты проводят в выставочный зал, накормят иноземными изысками и расскажут все самые интересные новости, что знают. Внутри, сразу после вестибюля с приятным ароматом ванили, высокий холл с лоджией, прекрасным видом на ночное, безоблачное небо, колоннами, приблизительно не меньше тонны весом, и комнатами отдыха. Пройдёмте наверх, где отдыха-

ют большинство гостей. Выпив не один десяток литров вина, милые дамы совсем позабыли о цели прибывания здесь. Поэтому, утонув в любви и ласках незнакомых кавалеров, они скрылись с глаз сильно занятых мужей. Те, в свою очередь, не могли дожидаться начала умопомрачительных торгов в закрытом акционерном обществе, до которого остались считанные минуты. Ради такого знаменательного события они бросили всё.

Не тратя лишнего времени, заинтересованные личности скрылись в тёмном помещении с завешанной, красной шторой, сценой, подальше от ярких люстр и шампанского в главном холле. Здесь, внутри, царила мрачная атмосфера, неприязнь людей друг к другу, что находились в помещении, чувствовалась даже кончиками пальцев. Сильнее нагнетало то, что кроме слабой голубизны мониторов не было иного освещения. Маски сложно разобрать, даже вблизи с трудом кто-то узнавал в чужаке товарища. Поэтому большинство предпочло остаться инкогнито, разбежавшись по удобным креслам в разных частях помещения. Люди, что так старательно скрывали свои лица, озирались на соседей, пафосно снимали бокалы коктейлей с подносов и закидывали ноги на соседние стулья, пренебрегая правилами этикета.

Разрушая молчаливую бойню, в комнату вошла женщина с аккуратным небольшим подбородком. Как у всех лица её

совсем не видно, однако чёрная мантия скрывает личность дамы. Капюшон слегка достаёт до аккуратного, маленького носа, плащ, что волочится по полу, прикрывая даже обувь, не даёт рассмотреть фигуру или походку. Идеально скрывшись от посторонних глаз, она, словно дикая, довольно умная, кошка присела с краю, там, где никто не смог бы увидеть её лица. Никто не интересовал эту ловкую, интригующую личность, даже официанты обходили даму стороной, боясь потревожить покой.

Наступила тишина. В слабо освещённой тьме изредка раздавался шорох: люди меняли позу, что-то падало из рук или челюсти тщательно пережёвывали закуску. Иногда в руках обслуживающего персонала звенели высокие бокалы под игристое вино, они, хоть изредка, разбавляли какофонию, что продолжалась недолго.

Приближающийся стук шагов по паркету, дал знать, что одиночество гостей закончилось. Быстро перебирая чёрными лодочками по аккуратным, резным ступеням, на сцену поднялся низенький лысый мужичок в смокинге с бумажной бежевой папкой в руках. Пристально наблюдающие люди сильно удивились, увидев ведущего без убора, прикрывающего лицо.

– Рад всех приветствовать. Не буду тянуть, смотрим на

экран, – произнёс он звонко, немного второпях.

Синие мониторы, которые ранее использовались только в качестве освещения, изменились. На них отобразилась некоторая, информация, которая вкратце рассказала о торгах. Поначалу никто не задавал вопросов, потому что внимательно изучал полученный материал. Гости, что сидели здесь, знали заранее, какое чудо ожидало их.

– Всё, что вы видите, запрещено на законодательном уровне. Надеюсь, не нужно напоминать условия соглашения, – вслед последовал смех, короткий и нервный.

– Объект дести шестьдесят один.

Голубой экран показал белый шум, некоторое время, аукционист настраивал его, но вскоре картина прояснилась. В ужасном качестве, так, что некоторые подбирались ближе, показалась фотография лохматой девочки в смирительном ошейнике с шестью жёлтыми ампулами по контуру на фоне больничной койки. Под ней указан серийный номер из шести цифр. Справа от фотографии указан рост, вес, прививки, коммуникативные навыки и поведение в дикой среде. У последнего показателя виднелось ярко-красное слово: «Опасность». Второй монитор транслировал видеонаблюдение грузового, подземного лифта. На нём не было ничего

впечатляющего, неизвестный груз, обмотанный светлой тканью, лежал неподвижно, словно огромную ель завернули в тряпку перед рождеством.

Пока что лот несильно впечатлял, некоторые скептически отнеслись к проведению незапланированных торгов. Однако, ожидая чего-то внушительного, люди дали немного времени.

Слегка нервничая, аукционист, что совсем не мог стоять на месте, приподняв левую бровь и смахнув быстро стекающую струю со лба, прыгнул под сцену и отбежал к левой двери, что плохо освещалась. Потными ладонями, он держался за перила, пока балансировал на крайней ступени, периодически что-то нашёптывая под нос.

Тут же всё загремело, затряслось, будто часть здания провалилась под землю. Вслед за звуком разошлись в стороны занавески, огромные деревянные ворота в полу раскрылись, вспомогательный персонал зафиксировал их замками там, где глаза зрителей того не наблюдали. Металлическая платформа, часть лифта, что скрывалась под комнатой, остановилась в нужном положении и встала в пазы. На ней перевозили тот свёрток с камеры наблюдения. Необычный подарок на рождество решили полностью не открывать, в целях безопасности. Вспомогательный персонал закрыл створки на

титановый замок и опустил защитное стекло. На металлической конструкции не осталось никого, кто бы мог контактировать с неизвестным, слабо движущимся, субъектом, замотанным в плотную кожу. Натянутые цепи щёлкнули, замки открылись, и водонепроницаемая ткань спала с дракона. Громадное возбуждение посетило всех гостей. Тело ящера усыпано множеством зловонных кровоточащих ран, часть когтей на лапах вырваны с корнем, челюсти так сильно сомкнуты, что большая часть зубов поломалась друг об друга. Глаза твари перемотаны клейкой, цветной лентой, а конечности зафиксированы подле тела плотными, неподъемными цепями. Даже в таком, казалось бы, жалком, виде она внушала страх, уважение и какое-то ещё чувство, что известно только присутствующему человеку. И сколько бы защиты не предоставили аукционеры, окружающие не смогли бы подобраться ближе.

– Скажите, для чего такое количество бесполезных аксессуаров? Неужели старые, колхозные обмотки плотнее полимерных оков? – задали вопрос из зала.

– Она их съела, – продолжая вытирать лицо, мужчина поднялся на ступень выше, ближе к стойке, и закусил нижнюю губу.

– А она будет двигаться? Может там покупать уже нече-

го, – абсурдный юмор кавалера с дивной, рыжей бородой оценили все товарищи подле него.

– Господа и дамы, если бы объект функционировал в полном объеме, показать его вам не было бы возможности.

В зале снова наступила жуткая тишина. Она была настолько нагнетающая, что переборолла бы предыдущую. Гостям требовалось время для осмысления столь необычного, ценного, практически единственного в своём роде товара. Чувство неуверенности и страха преобладало в тех, кто решительно намеривался выкупить лот. И почему-то оно питалось не внушительными габаритами твари, а, возможно, скорой его кончиной.

Несколько минут для размышлений оказалось предостаточно. Поначалу народ придерживался тишины, еле слышимого шёпота, но вскоре приступил к открытой дискуссии с соседями. Тогда аукционистом было принято решение о старте торгов. Незаметно поднявшись к микрофону, поправив туго затянутый чёрный галстук, он прокашлялся. Гости замерли, как на судьбоносной церемонии вручения, на озвучивании результатов, встрепенулись, без возможности оторвать взгляда от неприятного, лысого мужчины. Волна слабого мороза коснулась каждой спины, присутствующей в зале. Поднятая дыбом кожа не пропадала, пока аукционист не

молвил первого слова.

«Объект двести шестьдесят один, весит меньше двадцати килограммов и ростом мне по пояс. Обычная, маленькая девочка», – думала женщина в чёрном капюшоне, пока разглядывала тусклые мониторы с рябящей информацией.

– Стартовая цена: пятьсот тысяч долларов, – стукнув массивным молотком по деревянной плашке, мужчина приободрился. Порою он оглядывался назад, убеждался в полной изоляции дракона и безопасности окружающих. Но беспокоится было не о чем. Тварь практически безжизненно лежала на своём месте, дышала, немного гремела цепями из-за расширяющейся грудной клетки.

Начало торгов сразу дало понять, что все посчитали предложение выгодным, поэтому мгновенно перебили цену до восьмисот тысяч. Эти игры могли продолжаться между господами во фраках продолжительно долгое время, пока мужчина с низким, тихим голосом не установил новый порог с шестью нулями. И только тогда на несколько секунд наступило умиротворение. Большая часть претендентов отсеялась не малозначимой суммой за, почти мёртвого, хоть и внушающего страх, дракона.

– Один миллион долларов, раз, – прозвучало в безмолв-

ной тишине.

«Как ты здесь оказалась, девочка?» – внимательно всматриваясь в пустые, детские глаза, женщина поднесла руки к груди и очень тяжело, насколько возможно, вздохнула. Переполненная волнением, грудь всё чаще и чаще вбирала горячий, туго проветриваемый воздух, ладони потели от жара и трепета, до момента белые, круглые щёки перелились в красный оттенок. Зрачки её безуспешно бегали по экранам, вчитывались в слова, отчего буквы роились и путались. И чем дольше она смотрела на яркие, выедающие глаза мониторы, тем хуже уже известная информация воспринималась. И только высшая цель, доказательство человечности неизменно горела внутри, пока довольные взгляды, в преуспевших в торгах, всюду преследовали тех, кто так и не смог завладеть доисторическим созданием.

– Один миллион долларов, два, – в мнимой тишине раздался голос аукциониста вскоре.

«Я спасу тебя, Харухира», – подняв пластмассовую табличку с номером, героиня порхнула вверх, смахнув непросвечивающий чёрный капюшон за голову.

– Миллион и пятьсот тысяч! – лишняя одежда спала с миловидного, треугольного подбородка. Лицо женщины от-

крылось всем гостям, кто находился на мероприятии. Высокие скулы, яркие, карие глаза, поверх круглые очки с толстым стеклом и светлые, почти белоснежные, коротко стриженные, по плечи, волосы. Волнение, почти доверху, сразу наполнило её аккуратное, зрелое тело. И пока внутри бешено дребезжало девичье сердце, она улыбалась, будто совсем недавно совершила инновационный прорыв. Воодушевление, что проникало всё глубже и глубже в каждый сантиметр бесспорного таланта, видели все присутствующие. Но подобным открытым авантюризмом прониклись немногие. Особо корыстные, эгоистичные натуры тому даже злорадствовали.

– Миллион и пятьсот тысяч долларов, три! – глухой стук дерева об дерево дал понять, что лот выкуплен, нахождение в непроветриваемом, душном помещении с одной забитой вентиляцией, бессмысленно.

Переполненная решимостью, гордостью за свой, откровенно бунтарский, но благородный, поступок, девушка ещё раз взглянула на изображение покупки с мерцающего экрана. Она, без сомнений, была уверена в содеянном и точно знала, на что шла. Поэтому, развернув голову на своих врагов, ещё раз убедилась в суровой справедливости.

– Надеюсь, оно не сдохнет, через пару месяцев, – мужчина с отвратной улыбкой, растянутой на треть лица, рыжей бо-

родой и мерзким, немного писклявым, детским голосом посчитал, что его мнение немного имело значения.

«Ты обязательно станешь лучше нас,» – не оборачиваясь, дама в чёрном плаще, отбросив вручную, мастерски испи-санную дверь, спустилась на этаж ниже, обходя распутных, пьяных дам с их доброжелателями, оставляя всех злодеев позади, под звуки скрипучих створок лифта.

Дело осталось за малым. Тяжёлый груз требовалось аккуратно вывести из амбара, что располагался позади особняка, подальше от гостей и обслуживающего персонала. Напротив здания из красного кирпича с высокими металлическими, глянцевыми воротами распласталась широкая взлётная полоса с разметкой. На её краях стояли люди в жёлтых жилетах с сигнальными фонарями. Они мотали ими взад и вперёд, чтобы крупногабаритная техника безопасно покинула амбар.

И пока аукцион выполнял свою часть договора, чрезмерно растянуто и долго, женщина, что выкупила лот, ожидала в конце полосы, на рассвете, вместе с сопровождающим её человеком, очень звонким и заметным. Дамой с рыжими волосами, заплетёнными в хвост на затылке, вымазанным мазутом лицом, фартуком, который сильно мал и веснушками.

– Ты уверена, что нам стоит это делать? – вытирая испачканные руки об ещё чистую одежду, молодая девица взгляды-валась в даль, прикрывая глаза ладонью, от ослепляющего, раннего света, пока беседовала с начальницей.

– Тебя здесь вообще не должно быть. Так что скажи, спасибо! И молчи.

– Но я тоже имею право голоса.

– Да, когда станешь совершеннолетней.

Кажется, дальнейшее участие в разговоре не имеет смысла, поэтому девушки ждали, пока гигантская платформа, размером не меньше футбольного поля, с ценным грузом добиралась до них. Перевозили дракона очень аккуратно, транспорт не разгонялся быстрее, чем на пять километров в час, машинист, не отвлекаясь, следил за поведением груза, его рука не спускалась с аварийной красной кнопки. Всё это проходило под надзором специального вооружённого до зубов отряда. Они оккупировали взлётную полосу, каждые пять метров стоял наблюдатель в обмундировании, готовый на любой исход событий. Хоть операция прошла более, чем успешно, тварь даже ни разу не пошевелилась, впечатления остались скудные. Тяжёлый груз с платформы переложили с помощью строительного крана на асфальт. Там его подцепи-

ли вертолётными тросами и подняли в воздух. Сопротивления, как при предыдущей транспортировке, бестия не оказывала. Поэтому перелёт оказался не очень интересный. Путь проходил через открытый океан, погода благословляла, но в случае даже небольшой аварии, девочку не спасти. Держась высоко над водой, пилот и его командир знали риски, почему не спешили и заранее обдумали все варианты исхода событий, который, к счастью, не сбылись.

Полёт длился настолько продолжительное время, что девушка постарше уснула, пока её напарница понемногу приближалась к цели. Располагалась недалеко от Австралии, к восточным островам. Между ними, относительно недавно, родилась новая земля, о которой известно немногим. Практически, призрачный, остров не имеет названия, не обозначен на карте и служит убежищем, возможно, домом для тысяч людей, что скрывают свои имена.

Секретные, неуловимые, абсолютно беспринципные, но уважающие себя, головорезы называются Возвышенными, теми, кто стоят на первом месте в пищевой цепи. Они не пускают чужих, слабых и имеют серьёзные, несправедливые правила, которых придерживаются все, кто желает получать средства в обмен на жизнь. Почему прячутся здесь добровольно.

Абсолютно самостоятельное, никому неизвестное, государство стоит на земле, которую когда-то сюда привёз человек. Искусственный остров дал основание для гигантской конструкции высотой чуть более пяти метров. Невообразимых размеров балки погружены в глубину, наверняка, чтобы ничто не могло сдвинуть с места новый дом. На них установили корпус из сложного полимера, что не горит, не плавится, очень прочен и устойчив к тяжёлым механическим повреждениям и коррозии, однако, имеет один серьёзный недостаток. Его с удовольствием едят водоросли и некоторые моллюски, почему вспомогательный персонал ежемесячно защищает покрытие раствором, что отпугивает все организмы. Эта отравка работает даже на крупных хищных рыб, но не помогает с надоедливыми птицами, что без разрешения проникают на территорию. Хоть поверх, площадью больше десяти квадратных километров, находится природный купол, который налаживает температуру, спасает от дождя на и внутри конструкции. Почему никакая непогода не сможет помешать гениальным планам, разработкам и усилению без того, мощного комплекса.

Рассмотреть всего, что находилось на, непризнанном всеми, государстве бестия не смогла, потому что сразу же её спустили на два этажа ниже, в самые недра базы, где мощный рёв будет слышан несильно. Внизу, где не светит Солнце и воздух поступает лишь из вентиляции, запертая в стек-

лянной коробке, сидела тварь, что билась головой об стены и разрывала горло в надежде быть услышанной. Ни потеря когтей, ни голод не заставляли её освободить девочку. Не подпуская никого, она бесновалась и не давала криком спать никому в радиусе километра. На третий день терзаний, дракон сдался.

С обезвоживанием и множеством гниющих ран, преимущественно на запястьях и икрах, девочку извлекли из растекающихся, желированных останков бестии. Погружённая в стеклянный сосуд для транспортировки, она доехала, с помощью вспомогательного персонала, что приглядывал за ней, до пункта первой помощи. Нескончаемые взрывы заставили людей разбежаться в стороны, завопить от страха. Не понимая происходящего, санитары включали сирены, бились в истерике и покидали корпус. Не менее напуганная девочка почти разрушила блок реанимации, обрывками отступала к комнате надзора, где забилась в дальний угол. Стены помещения стойко сдерживали волны взрывов, что извергались из маленького тела. И пока снаружи комната держала оборону, внутри почти всё оказалось уничтоженным. Телевизоры, столы, стулья, кровати, простыни, игрушки: кубики, палочки для моторики и мягкие медведи разбросались по помещению и практически сгорели, разорвались или разлетелись на несколько частей.

Девочка, крепко державшись за голову и громко-громко плача, боялась не меньше окружающих. Каждый громкий звук, извергаемый красным, калёным камнем в груди, эхом отдавался в голове и пугал до мозга костей. Из-за нескончаемых слёз миловидное детское лицо опухло, размытая пелена затмевала почти весь обзор. Периодически внутренности комнаты перекручивались, всё взмывало в воздух и опускалось после взрыва. Подобные волны повторялись через определённый промежуток, что давало возможность проникнуть в помещение.

– Доктор Элистра, пожалуйста не нужно этого делать. Это опасно! – двое уставших санитаров в чистой одежде тащили за собой чемоданы первой помощи, пытались не отставать, пока женщина в белом халате и коричневых, походных сапогах, стремительно шла по светлому коридору к спальне, где страдал пациент.

– Мы не можем её так оставить, – хладнокровно, уверенно прозвучал ответ, на который подчинённые не могли контраргументировать.

Оказавшись за механической дверью с изолирующим стеклом, доктор заблокировала панель кодовым словом, чтобы санитары не могли проникнуть внутрь без допуска. Взглянув на электронные, голубые часы с правой руки, женщина

сделала несколько маленьких шагов и осмотрелась, пока за бронированных стеклом бесновались до посинения напуганные помощники.

Белоснежные стены почернели, отваливались кусками и сыпались, из них, погнутая, тоже деформированная, торчала арматура вместе с проводами в прочной полимерной изоляции. Предметы мебели точно не подлежали ремонту и эксплуатации. И где-то среди бесчеловечного хаоса сидел маленький комок страха.

– Я тебя не боюсь, – сделав ещё шаг внутрь, Элистра присела на корточки, на утеплённую, когда светло-бежевую плитку, покрытую сажёй и мелким мусором.

Тут же девочка заплакала громче, крепко накрепко сдерживая уши. Частично, серые волосы, которые еле-еле доставали до груди, скукожились и обуглились, распространяя мерзкий запах вместе с чёрным дымом. Часть одежды, или то, что немного похоже, тоже повредилась, но тело не пострадало от мощных порывов разогретого воздуха.

– Я хочу помочь тебе, Харухира, – спустившись на колени, доктор поджала ноги и поправила испачканный в саже халат, положив ладони лицевой стороной к себе. Медленно её глаза закрылись, грудь наполнилась воздухом, как перед

многокилометровым марафоном. На мгновение, будто само время остановило свой ход.

Увидав решительные действия со стороны незнакомо-го человека, девочка притихла, спустив мокрые ручонки с ушей на щёки. Удивительная непоколебимость действий, без сомнений, смутила перепуганную малышку. Не встречая в своей жизни никого столь смелого, она с дикого, неутешимого плача перешла на мягкий писк младенца, что просит внимания. Казалось, что вот-вот злая женщина набросится на неё, заломит руки и ноги так, что испытания внутри холодильника покажутся раем. Но никакие опасения в маленьком мире не сбылись. Сколько бы времени не прошло, доктор не шевелилась. Не зная даже отведённых минут, она, боясь пошевелить зудящим носом, с перебоями дышала и тихо молилась. Возможно, последние минуты жизни ей придётся провести здесь, в разбомблённой лаборатории, рядом с чужим, испорченным, навсегда потерянным, ребёнком.

Прошло ещё несколько минут. Некогда спокойный плач стал громче, искреннее. Скорбящий голос, требующий умиротворения, возможно, смерти, не замолкал, словно не знал, правил этого мира. Оттягивая неизбежное, девочка снова закрыла глаза, чувствуя новую волну агонии. От напряжения воздух в помещении нагрелся, стал влажнее, комкующаяся сажа с пылью оседала в горле, вызывая кашель. Открыв гла-

за ненадолго, чтобы убедиться, доктор сидит там же, девочка закричала, предупреждая о страшном, неминуемом исходе, протянув руки вперёд. Но её не послушали. Грудью малышка чувствовала, как горящий осколок нагревался, скапливал всю ярость, чтобы снова выплеснуть пламя в этот мир. Мотая головой из стороны в сторону, хранительница снова затихла, вскочила с места и, сделав два небольших шага навстречу доктору, толкнула плечо, упала на колени, заливаясь беспокойным горем. Её выжженная, грязная голова, покрытая вшами и дерматитом упёрлась в живот незнакомке, тоненькие ручонки держали небольшое тело, пока колени разъезжались по чёрному полу.

Переполненная шоком и непониманием, доктор упала на бёдра, подняв руки выше головы, боясь дотронуться до ребёнка. Глаза искали все повреждённые участки, коих было слишком много. Красный камень, что хотел уничтожить всякого обидчика, потух и не представлял угрозы, какое-то время.

– Я помогу тебе, можешь довериться, – чувствуя минимальный контакт с пострадавшей, Элистра не стала терять минуты. Всё также, на весу, она разблокировала панель возле входной двери, благодаря чему, перепуганные санитары смогли благополучно проникнуть внутрь. Им стало трудно даже ступить на, когда-то прекрасную, местами утеплённую,

плитку.

– Уберите все шприцы, будем использовать только таблетки и суспензии.

– Но тогда придётся подождать, а у нас нет времени! Вдруг она снова подорвёт всё, включая нас! – молодые парни в униформе не подходили близко к Элистре, боясь встретится лицом к лицу с девочкой, что даже не поднимала головы.

– Видишь её шрамы? Это результаты неправильных, жестоких опытов, которые ей пришлось пережить. Мы не можем позволить продолжать это. Давай сюда таблетки! И принесите стул, стол из моего кабинета.

Аккуратно приподнимая корпус, Элистра кончиками пальцев водила по спине девочки, от каждого прикосновения ребёнок дёргался, словно всё тело имело сплошной нерв, который ныл и болел. Но такие нежные манипуляции на полтона успокоили истеричный срыв, который измотал не только медиков. Немного успокоившись, девочка слышала и других людей, что не приносили вреда, её даже не касались, почему дальнейшие действия вновь не вызывали слёзы и крушение всей округи.

– Как думаешь, она понимает нас? – приподнимая чистую

мебель обеими руками, парень пониже с кудрявыми блондинистыми волосами, не осматриваясь, выходил задним ходом из кабинета, ловко развернувшись в коридоре.

– Нет, – ответила ему главврач из комнаты.

Прихватив в подмышки два белоснежных стула с металлическими ножками, напарник, полностью одетый в экипировку так, что только голубые глаза его торчали из-под маски, последовал обратно, в хаос и разруху, внимательно разглядывая пол, чтобы не упасть в грязь лицом.

– Почему вы так считаете, доктор Элистра? – оставив стол напротив лежачего врача, санитар помог товарищу, разместил один стул посередине, а другой сбоку, предварительно ногой растолкав сгоревшие вещи, что сильно мешали. Голос парня прозвучал немного с насмешкой, будто издевался и знал близко наставницу.

– Она не реагирует даже на своё имя, сомневаюсь, что у неё есть хоть какие-то коммуникативные функции. От нас её отличает не только эволюция, но и полная адаптивность к жизни.

– В каком это смысле?

– Чтобы ты научился есть ложкой, мама ни одну тысячу раз показала на себе, как что-то делается. Ей же не показывали ни ложку, ни мать. Ничего. Даже то, зачем оно нужно.

– Тогда зачем вы её забрали? Она, наверное, обошлась очень дорого.

– Если бы кто-то из твоих знакомых выбросил разбитую машину, о которой ты всегда мечтал, но никогда даже не видел. Ты бы захотел её получить?

– Конечно, я бы её отмыл, починил...

Приподнимаясь на ноги, Элистра продолжала тянуть за собой, преимущественно подмышки или плечи девочки так, чтобы не усугубить те раны, что приносили сильнейший дискомфорт. Большая часть из них источала такой запах, что ни одна медицинская маска не отфильтровала бы. Поэтому доктор терпела, морщилась, смахивала рукавом слёзы, прикрывала ноздри, когда тесно контактировала. Запах гнилья и перебродившей тухлятины доносился не только с ран на запястьях, но и с ушей, ноздрей, глаз и рта девочки. После каждого моргания, с ресниц, падали клещи, цепляясь за одежду, они путались в волосах, где вечно боролись за территорию блохи.

– Для начала нужно сделать перевязку, – наконец усадив маленький комоч несчастья на стул, она смогла лучше рассмотреть все проблемные места, практически не касаясь ребёнка, – дайте стакан воды и самый сильный транквилизатор в детской дозировке.

– Как с такими ранами её кисти ещё не отвалились?

Толщина гниения была настолько большая, что доставала до костей. Пациент практически не сгибал руки, однако, шевелил пальцами так, будто привык, адаптировался к проблеме, что не мог решить самостоятельно. Куски кожи и частично плоти были рыхлыми, покрылись чёрным налётом и где-то внутри, в самых трудных местах, гноились. При нажатии белая жидкость сочилась из раны, как вода, в огромном количестве. Такая же проблема имелась возле ступней. Прикасаться к опасным местам чревато последствиями не только для пациента. Почему первым делом, девочку напоили обезболивающим смешанным в умеренной дозе со снотворным. Жадно, но достаточно спокойно, пострадавшая, из рук Элистры, выпила литр воды с разведённым лекарством.

– Возможно, ей давали какие-то поддерживающие препараты, чтобы поднять регенерацию тканей. Но зачем держать столь спокойного ребёнка в цепях, да ещё и с такими последствиями.

– Спокойного? Вы ЭТО называете спокойным? – крутясь на месте, белокурый санитар злился, размахивал руками, пинал обугленные ножки кровати, части рамок, корпуса мониторов и другие, не подлежащие ремонту, вещи. Испачкав, местами даже порвав, казалось бы, плотную униформу первой помощи, парень сильно разочаровался, поставив под сомнения слова, вышестоящего по званию, врача.

– Лучше было бы, если бы она нас съела? – приподняв один глаз, женщина поджала грустно губы, будто беседа, ненадолго, расставила всё по своим местам.

Наконец девочка заснула, распластавшись по стулу, как на перине. Видимо, её сон впервые был настолько крепок, что она, приоткрыв забавно рот, прикусила обмороженный язык. Теперь доктор Элистра могла незамедлительно обработать все раны, выкачать гной, местами подшить, особо открытые язвы. При тщательном осмотре повреждений оказалось столь много, что управиться за одну ночь не удалось. Помимо внешних травм у девочки повреждены сухожилия, местами обморожения достигали второй степени, на внутренних сторонах пальцев волдыри лопались быстрее, чем успевали заживать, искривление позвоночника в нескольких местах, несформированные органы, а также нарушение мочеполовой системы из-за экстремально низких температур и

недостатка воды с пищей. Вылечить необычно большой список заболеваний в короткий срок невозможно, однако, абсолютно реально за несколько месяцев. И пока Элистра собирала по кусочкам план действий, записывала аудио дневник, который сохранила для возможных исследований девочки в будущем.

«День первый. Я никогда не видела ничего подобного. Только зубы этого ребёнка вызывают у меня вопросы. А поведение, словно, её поместили в изолятор к животным, периодически бросали сверху еду и воду, иногда показывая здравомыслящих людей. По каким-то, неведомым мне, причинам она не бросается ни на врачей, ни на сторожей, но пугается моих визитов. Сегодня утром зашла в спальню в лаборатории, куда переместили девочку после обследования. Не обнаружив внутри пациента, я запаниковала, но взяла себя в руки. В конце концов, ты же врач! К чему это я, проверив данные с панели, мне стало понятно, что никто не открывал дверь в период с девяти часов вечера до шести утра. Постель заправлена, к ужину никто не коснулся, все вещи лежали там же. Девочку я нашла в мусорном баке! Не знаю, как она туда залезла, но спала крепко, мой голос и шум в процессе поисков не смог её разбудить...» – таковым было начало много значимых записей в коллекции доктора Элистры.

Первые дни в необычно идеальном мире оказались самы-

ми тяжёлыми. Непривычная еда, которая имела много новых запахов, вкусов и даже солёность, вызывала осторожность, ведь большую часть жизни девочка потребляла лишь каши. Но приятные ароматы исходили не только от пищи. Мягкие, хлопковые простыни стирали в гипоаллергенном кондиционере с запахом моря, ежедневно улыбчивый санитар, тот, что повыше, протирал все поверхности от пыли с приятным лавандовым средством. Кроме обоняния к новому привыкали и глаза. Вся комната имела практически сплошной белый цвет, только местами что-то выделялось, разные подушки в углу или книги, однако, первое время житель не замечал всех деталей, только спал, пил, ел и пользовался умной туалетной комнатой. Ведь, к сожалению, Хару не умела ухаживать за собой. А внедряться в личное пространство девочки ни у кого не имелось желания. Поэтому, некая безразличность, но никак не холод, тоже вызывала недопонимание у человека, каждый шаг которого постоянно контролировали.

– Ты можешь говорить? – периодически посещая молчаливую пациентку, Элистра приносила разные вещи, чтобы вызвать минимальный интерес девочки. Но ничего не происходило.

Ни игрушки, ни смешные телепрограммы, ни разговоры не могли вытащить Хару из апатии. Казалось, что девочка не слышит, почему на протяжении суток таращится в пол, не

поднимая головы. Даже существование людей не вызывало у неё интереса.

«День пятый. Я не знаю, что делать. Мы проверили её вдоль и поперёк, ничто не мешает говорить или использовать любые предметы в помещении. Она даже игрушки в руки не взяла! Что бы мы не приносили, что бы не показывали, она не реагирует, словно, зависла в своём каком-то вымышленном мире! Я в отчаянии. Не могу представить, что будет дальше. Попробую разбавить её времяпрепровождение общением, может, так она очнётся...»

Стабильно посещая девочку по шесть раз в день, Элистра приносила с собой не только подарки. Книжки, журналы, листовки, газеты, научные статьи – всё, чтобы ребёнок немного пощупал мир, который скрывали долгое время. Но по какой-то причине окружающая среда её несильно интересовала.

«День седьмой. Я принесла карандаши и бумагу. Она что-то нарисовала! Похоже на корову или собаку, не знаю почему, но неважно! Это огромный успех. Я была так рада, что забыла померить у неё температуру...»

Следующую неделю Элистра провела очень плодотворно. Некоторые повреждения почти с успехом заросли, да так,

что даже шрама не осталось, в некоторых случаях. Поэтому не очень активная особа начала изучать новый дом. Порою девочка слонялась по комнате, осматривала кресла-подушки, сидела на стуле или пялилась на картины. Конечно, большую часть времени Харухира проводила за столом, обводя картинки из журналов, повторяя буквы. Тогда было принято решение, научить девочку разговаривать.

– Харухира, смотри, ко-ро-ва! – достав карточку со словом и картинкой, доктор активно жестикулировала и кривилась, делая свой звонкий голос более мелодичным, для удобного восприятия, – повтори-ка за мной, ко-ро-ва!

– Доктор Элистра, к вам пришли, – парень с высокими скулами и низким, брутальным голосом, тот, что прятал физиономию в форме, видимый нами ранее, постучал, ступил в палату в белом халате, без своего товарища, с коричневым планшетом с зажимом.

– Элистра, ты просила меня зайти, – рыжеволосая девочка с веснушками в заляпанной одежде и синяками под глазами пала на пустеющую, аккуратно уложенную кровать с белоснежными подушками.

– А ты не могла помыться прежде, чем заявиться сюда? – продолжая показывать пациентке карточку с чёрно-белым

крупным млекопитающим, Элистра морщила брови, обращаясь к не очень пунктуальной особе, – ко-ро-ва, Хару, ко-ро-ва!

– Она отсталая? И почему ты делаешь такое странное лицо? – закинув ноги на постель, юная девица достала из заднего кармана батончик со злаками, политый шоколадом и при-сыпанный кокосовой стружкой.

– Отстаёт в развитии, лет на десять, – поднимаясь на ноги, упираясь ладонями в колени, Элистра, напоследок, взглянула на унылое, неизменное лицо Харухиры. Девочка так старательно царапала карандашами по исписанной бумаге, что не заметила ни появления чужачки, ни ухода уже знакомого врача.

– Присмотри за ней, пообщайся, расскажи что-нибудь, – немного расстроившись очередным провалом, женщина спрятала руки в карманах белоснежного халата, отдаляясь к выходу.

– Но о чём мне с ней разговаривать? Она вообще меня поймёт? – опешив от скорых смен обстоятельств, недовольная, даже злая, юная леди не скрывала эмоций, активно показывая их на щекастом, загорелом лице.

К сожалению, её проигнорировали, оставив наедине с неизвестным, маленьким, возможно, опасным существом. Поначалу отсутствие какого-либо внимания в свою сторону девушка принимала, как награду. Не испытывая желания приближаться к лабораторному исследованию, она продолжала сидеть на кровати, пачкая белые простыни машинным маслом и грязью с ребристой подошвы ботинок.

Но так продолжалось недолго. Чувство ответственности и стыд взяли вверх в борьбе с гордостью, почему дамочка подняла брэнное тело с чужой мебели, даже прибрала бардак, что оставила, и присела на соседний от Харухиры стул, где недавно, разложив карточки со словами, находилась Элистра. Стуча по очереди пальцами правой руки по деревянной столешнице, хвостатая смотрела на незнакомку, думая о первых словах, что адресует ей.

– Привет, я – Вайолет. Друзья называют Вай или шестая, кому удобнее. А ты... – озираясь по сторонам, она разглядела карту болезни, недалеко от охранной панели. Там, мелкими буквами на бежевой картонке написано имя и прочерк возле фамилии, – Харухира, значит.

Абсолютное безразличие, несомненно, задевало низкое самомнение Вайолет, но не уничтожало полностью. Немного, юная леди осознавала трудность ситуации и не принима-

ла на себя всю тяжесть, однако, в связи с трудным подростковым возрастом, не желала мириться с подобным.

– Я вообще машины люблю, чиню их, строю. Мой папа построил это место. Поэтому я тоже хочу что-нибудь сделать, что-то такое же особенное. Жаль, что он этого не увидит, – иногда осматриваясь на собеседницу, Вайолет замечала, что Хару переставала рисовать и на протяжении нескольких секунд сидела, замерев.

– А ты умеешь слушать, даже как-то легче стало, – неконтролируемая, еле заметная, улыбка вызванная слабой, тихой грустью, появилась на миловидном лице, – я очень люблю романтику смотреть, но никому не говорю, потому что мне кажется, такое нравится только слабачкам. А здесь нельзя, чтобы кто-то тебя считал слабым, – догадавшись, что разговор зашёл в тупик, шестая приподнялась, чтобы лучше рассмотреть творчество её маленького друга.

Изображение на бумаге было странное. На разноцветных кругах из тонких линий написаны буквы разных форм и размеров, из которых невозможно собрать слова.

– Да ты у нас художница! – воскликнула девушка, подпрыгнув на стуле с тонкими металлическими ножками, – когда-нибудь нарисуешь меня? – ответа она снова не получила,

но не стала долго растягивать момент, – когда-то в детстве я решила нарисовать своих родителей. Больше никогда этого не делала, – с малой ноткой грусти в голосе завершила триумфальное признание.

– Всю жизнь я пыталась быть полезной. Из кожи вон лезла, чтобы меня заметили. Но никто, кроме доктора Элистры, не предложил зайти в семью. Тебе кажется, что она очень добрая, верно? Это правда, хоть порою, хочется врезать по стене. Надеюсь, что когда-нибудь мы с тобой станем подружками, и ты вступишь к нам в семью. Я буду этого ждать, Харухира, – продолжив наблюдать за тщательным вырисовыванием каракуль на бумажке, Вайолет вернулась на постель, прихватив пульт от экрана со стены.

Комната, в которой Хару проводила большую часть времени небольшая, похожа на квадрат с аппендицитом в виде узкого коридора (находился параллельно) с входной дверью на конце. Оказавшись в основной части помещения, заметите рабочую зону: письменный стол с книгами, принадлежностями и канцелярией, на стене над ним висят полки с игрушками и дополнительными информационными материальными носителями. Чуть дальше уголок с молочным ковровым покрытием с высоким ворсом и мягкими подушками. На центральной стене, что находится напротив коридора, висят чёрные мониторы без рамок, практически в поло-

вину всей свободной площади. Под ними небольшой столик из прочного, покрытого блестящим напылением, стекла. Он предназначен для беспроводной, сложной техники, которую Элистра иногда использовала для обучения маленькой Хару. Напротив, ближе к углу, разместили кровать, её без труда можно убрать в стену, освободив приличное количество свободного места.

– Ты любишь животных? Я обожаю смотреть, как они танцуют под музыку или делают что-нибудь смешное! – отыскав в хранилище наиболее интересные, запоминающиеся фильмы с братьями меньшими, шестая включила разом все четыре монитора, что находились у них в распоряжении.

Звук и качество транслируемых видео сильно отличались от тех, что когда-то показывали Харухире. Музыка не хрипела при особо громких моментах, все действия происходили плавно и нежно, будто в реальности.

Заинтересованная в чём-то новом, девочка отпустила синий карандаш, который перекатился по столу и упал, сделала два шага и села на колени, напротив экранов, положив ладони подальше от себя на тёплую плитку.

«День восемнадцатый. Общение с людьми не дало эффекта, но, думаю, это изменится. Девочка начинает привыкать

к окружению. Все механические повреждения заросли, как на собаке, однако, она отказывается есть всё, кроме растительной пищи. Возможно, что-то произошло, сильная психологическая травма. Склоняюсь к тому, что когда-то ей пришлось съесть нечто живое, крысу или птицу, которая случайно залетела в помещение, не знаю. Сегодня продолжим изучать слова, пока никакой агрессии девочка не проявляла. Да она ничего не проявляла!»

– Т-тигр, Хару! Тигр – крупный млекопитающий хищник, живёт на юго-востоке, имеет полосатый рыжий окрас, – показывая картинки с экрана, Элистра вскользь рассказывала о том, что видела перед собой девочка. Доктор до невозможности меняла свой голос, делая его мелодичным, привлекая внимание ученицы, жестикулировала, не прекращала улыбаться, стараясь произносить любое предложение на одном дыхании. Чрезмерно нежное поведение несильно подходило к образу статной, грамотной женщины, почему вся сцена была похожа на дешёвую игру забытого театра. И, как много сил она не вкладывала, старания не увенчались успехом, почему Элистра захандрила. Как забытый хозяевами цветок, что долгое время стоял без воды и света Солнца. Вся энергия и страсть выжгла намертво кислород в закрытом помещении. Не чувствуя ничего, кроме горького, мерзкого ощущения поражения, доктор прекратила обучение. Без желания и сил она пала на пол, спиной упёрлась в заправленную

кровать, положив тяжёлую голову на колючее одеяло, прикрыв намокшие глаза рукой и вытянув вперёд уставшие ноги. Почти никогда внешний вид её не отличался. Всегда походные тёмные ботинки на ногах, в таком же стиле штаны с множеством карманов и чёрная водолазка с воротником, поверх не застёгнутый медицинский халат с бейджиком.

– Как же я устала, – очень жалобным голосом, прикусывая язык и дёргая губами, она сильно растянула фразу, для усиления эффекта, – почти месяц исследований и ничего! Может я зря за это взялась? Считала себя самой крутой, думала, что смогу во всём разобраться! Но я ничего не понимаю. Сначала выкидыш, потом Павел, теперь ты! Меня преследует череда невезений, которая заставляет... – больше Элистра не обронила слов, колючая боль застряла в середине гортани, не дав договорить. Совсем чуть-чуть осталось ей до срыва, который затмит все старания, что тратила она долгое время.

– Если я не успею, что они сделают с тобой? – поднимая красное лицо, доктор заметила возле правой кисти листочек, он лежал там ещё до того, как Элистра упала на перерыв.

Развернув к себе клочок бумаги, исписанный невнятными фразами с одной стороны и корявым рисунком с другой, она поняла, что труды не напрасны. Дрожавшей рукой и красным маркером Хару изобразила двух человечков, явно похожих

на них с доктором. Они держались за руки, улыбались и говорили друг другу: «Привет!»

Переполненная несовместимыми чувствами, Элистра расплакалась, но не закричала. Свою слабость она красиво скрыла, проявив сильнейшую волю и стремление. С тех пор стало понятно, что в, несомненно, странном поведении Хару кроется что-то злое и страшное, но явно открытая симпатия девочки не может за ним скрыться. Почему врач продолжила наступательные движения в сторону раскрытия ужасно скованного, но невообразимо доброго ребёнка.

«День тридцать четвёртый. Сегодня случилось кое-что необычное. Да, что там говорить, Харухира просто ком каких-то странностей! Во-первых, неделю назад у неё выпал зуб, очень необычно для её возраста. Я думала, что молочный, но нет! Тот, что должен был его заменить, уже вырос. И почему предыдущий выпал, тоже непонятно.

Во-вторых, сегодня она впервые засмеялась. С чувством юмора у Харухиры тоже всё забавно. Они с Вайолет пили чай. Рыжая шкода опустила печенье в кружку. Оно упало, расплескав сладкую воду, облив Вайолет, подушки и пол. Это так сильно насмешило Хару, что её пришлось успокаивать.

В-третьих, да-да, это ещё не всё, маленькая впервые, повторюсь, впервые! Самостоятельно почистила зубы, даже смыла за собой. Правда, видимо, испугалась шума от бочка и, когда убегала, зацепила полку в ванной, из-за чего та разбилась. Но это мелочи! Принесу из своей комнаты...»

Дни стремительно летели. Новая семья, что самостоятельно образовалась вокруг заблудшей души, не оставляла надежду спасти девочку. На протяжении двух недель Вайолет приносила разные фильмы, которые с удовольствием, от начала и до конца, просматривала вместе с Харухирой. Доктор Элистра продолжала учить пациентку словам, фразам и немного углублялась в правила, приводя лёгкие, для понимания, примеры. Частые гости, кажется, нравились девочке, порою, она поднимала голову, при упоминании имени или звуке открывания электронного замка двери. Такие слабые, чрезмерно растянутые шаги, несомненно, радовали. Но с каждым разом, хотелось большего.

– Может стоит позвать Исмиру? – строя замок из небольших прямоугольных разноцветных деталек из плотного экологического материала, Вайолет затеяла разговор, сидя на полу, сложив ноги бабочкой, пока Элистра заправляла подушку в наволочку.

– Исключено.

– Но почему? Харухире же нужно больше общаться с людьми, чтобы...

– Исмира не тот человек, который может чему-то научить, – меняя голос с словом всё сильнее, женщина хмурила брови и сжимала сильнее губы, пока никто в помещении того не замечал.

– Да ну, она клёвая и весёлая. Не всем же быть таким правильным, как ты.

– Правильным. Точно! – озарившись, доктор, порхнув белоснежным халатом с запахом зимней свежести, убежала, оставив двух детей в комнате наедине.

– Тебе она обязательно понравится! – переведя задорные глаза на молчаливую подругу, Вайолет подмигнула, по-доброму, настолько, что один из тысячи ледников в тёмном океане растаял.

«День пятьдесят второй. Какое-то чудо, даже поверить не могу,» – её голос задрожал, впервые за всю историю записей: «Мы пригласили Исмиру, девочку из моей семьи. Она со странностями, но безобидная. Принесла кучу шмоток клубных, таких, что даже я бы в своём возрасте не надела. И по-

ка они с Вайолет примеряли их, Хару... улыбалась, болтала ногами, иногда смеялась над шутками, вела себя, как совершенно нормальный ребёнок. А вечером, когда я укладывала её спать, заметила рисунок на столе. Мой портрет, да такой, что мне бы ни за что не удалось создать. Как за два месяца можно сделать такое? Да, над ним ещё предстоит много работы, но всё же... Хару не умерла, а лишь спит, её только нужно разбудить. Пойти за ней в эту бездну и достать, пока тьма полностью не пожрала всё человеческое...»

И как только Элистра стала уверена в успехе операции, новая череда препятствий встретила её. Каждую вторую ночь доктор просыпалась от жалобного, невероятно истеричного крика, доносящегося из спальни девочки. Кошмары посещали Харухиру так часто, что некоторые светлые дни она проводила в постели из-за усталости. Беда долгое время мучила сознание малышки, пока она не могла рассказать, что беспокоило её. И только путём проб и ошибок, люди, что приняли в семью девочку, выяснили корень проблемы.

«День пятьдесят пятый. Ночные кошмары продолжаются. Сегодня она дала мне рисунок, какая-то жуткая размазня с руками и ногами, торчащими из тела, преследует всюду её. Не знаю даже, как это понимать. Как объяснить, что это всего лишь кошмар? Боюсь, что за всем кроется нечто ужасное, но пока она не доверяет мне так сильно, чтобы поделиться.

Будем двигаться дальше...»

В один из дней, когда Харухира слушала песни, которые учат детей алфавиту с забавной музыкой на фоне, в гости наведальась Вайолет в компании Исмиры. Последняя редко заходила в гости, потому что явно любила детей меньше своей рыжеволосой подруги. Однако, в поведении нового человека не было ничего удивительно страшного или негативного. Исмира – очень эмоциональная, не скупая на слова дамочка с тёмно-синими волосами, заплетёнными в тугую, толщиной с бедро, косу. Предпочитает носить длинные, по локоть, светло-коричневые перчатки с красными полосками по контуру, короткие джинсовые шорты, просторный чёрный топ, под которым необычная майка в крупную сетку. Чрезмерно открытая и падкая на красивые вещи, Исмира много разговаривает, достаточно, часто перебивает оппонента, не соблюдая правил приличия.

– Ну что, малая, чем заниматься будем? – усевшись рядом с Хару на красное кресло-подушку, касаясь плечом, Исмира вытянула вперёд ноги, закинув руки за голову.

– Корова! – ткнув пальцем в экран, воскликнула маленькая, юная ученица с таким воодушевлением, что все, находящиеся в помещении, замерли.

Никто подумать не мог, что своё первое слово Харухира скажет так скоро, с лёгкостью в голосе. Почему шестая, опешив, нелепо заулыбалась, даже покраснела. Вдруг в её голову пришло озарение. Нельзя упускать столь важный момент!

– Хару, ты помнишь, как меня зовут? – молниеносно подбежав, сев на колени, загоразивая интересный мультфильм, рыжая наклонилась девочке, сократив расстояние между лицами до десяти сантиметров. Они находились так близко, что слышали дыхание друг друга.

– Вайолет, – негромко и спокойно произнесла малышка, всматриваясь в яркие, прекрасные, с небольшой ржавчиной, глаза подруги.

– А меня? Меня помнишь? – тыча в грудь пальцем, преврала разговор Исмира, до жути напугав Харухиру звонким, грубым голосом, отчего ответа не получила и немного расстроилась.

«День восемьдесят шестой. Мы начали ходить наружу, играли в мяч на поле, где трава по щиколотку. С координацией всё плохо, но девочка делает большие успехи. Поэтому, думаю, через пару недель сможет бегать. К сожалению, я не смогла исправить аномалию с глазом. На фоне неправильного зрачка у неё развился комплекс, отчего она постоянно

прячет

левую сторону лица под чёлкой. Если полностью убрать волосы, заплести сзади, держит глаз закрытым. Очень необычно. Мы никогда не говорили ей, по поводу удивительной природы её зрачков. Однако, видя себе подобных, она считает по-другому. К счастью, с волосами проблема почти решена. По всей видимости, падают они сезонно и от недостатка витаминов, почему обычного расчёсывания хватает, чтобы избавиться от напасти.

Девочка быстро адаптируется в наших условиях. Но не горит желанием общаться, делает это... очень нехотя. Скорее всего, тому виной характер. Однако, она с удовольствием пишет сочинения и письма, в которых выражает эмоции. Мне очень не хватает её голоса. Каждый раз радуюсь так, будто говорит впервые. Жаль, что мне не удалось запечатлеть этот момент...»

Прошло ещё немного дней прежде, чем Элистра дала полную свободу действий Харухире, но ограничила её во времени. Так девочка могла самостоятельно, без чужой помощи, в небольшой промежуток, перемещаться по корпусу лаборатории. Через несколько месяцев в распоряжении стала вся база. Однако, путешествия по незнакомым закоулкам отнюдь интересовали юную авантюристку. Почему-то Хару

не впечатлялась от габаритов построек, чужих взглядов, новых, неприятных запахов и ничуть не ласковых, порою злых, грубых людей. Всем она предпочитала одиночество, внутри мягких стен, тёплого одеяла, наедине с вкусной едой и любовью уже привычных лиц. И быстрее миновало ей пятнадцать лет перед тем, как Элистра перевела, неподготовленную к жизни, Хару в общежитие.

Тогда всё сильно изменилось. Ласковые, светлые цвета стали тёмно-синими с примесью неизвестного. Снова и снова толпа нового, дикого мира нападала на чужестранку, что совсем недавно вышла из анабиоза. Слегка касаясь оголённой рукой накалённого металла, её прокатывали катком, втоптывая в лужу с глиной и мусором. И не успевает та очнуться, как вновь трогает нечто ужасное.

Обучаясь урокам самостоятельной жизни и ухода за собой, Харухира не подозревала, что так скоро начнёт использовать приобретённые навыки. Будильник по утрам не работает, если не завести его с вечера, посуда сама себя не вымоет, если, конечно, не сложить всю утварь в машину и не нажать самую большую красную кнопку, душ надо посещать каждый день, удивительно, что Элистра говорит об этом только сейчас. Многие вещи, которых Хару не приходилось делать, навалились и кубарем покатались с горы, сбивая с ног. Почему привыкшая к завтракам в постель, девочка

оказалась в изумительном состоянии осознав, что не вся еда рождается готовой к употреблению. Порою приходилось самостоятельно даже открывать створки гигантского, некрасивого холодильника, который до дрожи в коленях пугал жутким, механическим голосом: «Наполните ёмкость для льда». Из-за слишком умной машины Харухира неделю не посещала уборную, не ела, страх был столь велик, что она заперлась в спальне, завернулась целиком в одеяло и забилась подальше в пустеющий угол, пока в подобном безвыходном положении её не нашла Элистра. Однако, таких сложных, незнакомых ситуаций становилось всё меньше. С днями некрасивый, безобразный интерьер стал роднее, привычнее. Порою на полках появлялись новые вещи: детские иноземные сказки, мягкие пылесборники медвежьего формата, фотографии с доктором и рисунки в деревянных рамочках, которые добавляли атмосферы и уюта. К тому же, со временем, девочка изменила своё отношение к некоторым видам пищи. Помимо фруктов, ягод, овощей и круп, она начала употреблять кисломолочные продукты и даже жителей океана. Но по-прежнему непреодолимый барьер создавало мясо любых млекопитающих.

В распоряжении у молодой и неопытной находилось три, площадью не более сорока квадратных метров, помещения: спальня, зал с компактной, но полностью функциональной кухней и совмещённая ванная. Каждая комната имела набор

особо важных предметов, благодаря чему даже без дополнительной мебели, они полностью подходили для проживания. В спальне двухместная кровать, некоторые здесь предпочитают жить вместе, с плотным матрасом и небольшой стенкой под голову из светлого дерева, высокий шкаф с вертикальными зеркалами под верхнюю одежду, комод с тремя выдвижными ящиками, что реагируют на прикосновения и письменный угловой стол с чёрной, старпёрской лампой. Главная комната имела чуть больше мебели: один жидкокристаллический, тонкий экран на стене, справа от входной двери, светлый кожаный диван с двумя подушками с длинным плюшевым ворсом, журнальный столик из калёного цветного стекла, мини-бар, который Элистра заблокировала для любопытной морды, оттенка тёмного каштана кухонный гарнитур, в него входили три ящика с керамическими белыми столешницами с разводами под речную гальку, настенные ящики под специи и посуду, индукционная плита с включенным защитным режимом для детей, ярко-холодная подсветка и телескопическая вытяжка из нержавеющей стали с галогенным освещением, напротив барный стол с квадратными полками, наставленными друг на друга, вместо ножи, той же краски, как остальной интерьер, всевидящий электронный холодильник с сенсорным дисплеем, четырьмя дверями, двумя камерами охлаждения, покрытый серым напылением в мелкую полоску. Любая поверхность, по возможности, сразу заставлялась разными цветными баночками под каранда-

ши, соками. Всюду разбросаны расчёски, зубные нити, порванные резинки, бумажки, неудачные произведения художницы и игрушки. Несмотря на жуткого, болтливого двухметрового соседа, Харухира проводила здесь времени куда больше, чем где-либо, вследствие комфортно обставленного интерьера. Ванная же имела меньше удобств, чем остальные помещения. Огромный, двухдверный душ, внутри него вода не доставала до головы девочки, почему приходилось наклоняться к боковым лейкам, высокая овальная раковина из светло-розового камня с круглым зеркалом и пятью лампами с белой подсветкой, широкий, подвесной, безободковый унитаз, с ним тоже возникали трудности из-за маленького роста хозяйки, и биде с гидромассажем. Рядом с умывальной зоной находилась пара тройка металлических подставок, но ими почти никто не пользовался. Неаккуратная Хару часто роняла полки, из-за чего даже устойчивая к падениям, ребристая чёрная плитка трескалась.

Планировка квартир во всём общежитии не отличается друг от друга. Нигде нет окон, помещения располагаются чередой, слева спальня, посередине главная комната, там же входная дверь и справа ванная. Вход оснащён сложной панелью с защитным механизмом, реагирует только на голос или отпечаток ладони хозяина квартиры, никаких ключей, скважин или замков. При желании можно изменить настройки и добавить чью-либо руку в память устройства. Разрешение на

посещение девочки без предупреждения имела лишь Эли-стра. Она навещала несчастную в разное время суток, готовила, приносила продукты, подсказывала, как пользоваться техникой, заставляла чистить зубы и мыть уши, контролировала, чтобы Хару ложилась спать в одно время и не переела, чего случалось крайне редко.

От помощи всезнающего доктора девочка никогда не отказывалась, а с удовольствием принимала её. Так, со временем, она привыкла ко многим вещам, которых долгое время не понимала, например, зачем стирать вещи, для чего стричь ногти и почему не стоит пересидеть перед телевизором. Конечно, иногда в ней играла подростковая дерзость, и девочка, как самый хитрый злоумышленник ложилась на пятнадцать минут позже обычного.

Жизнь в новом месте означала, что в скором времени Харухира познакомиться с кем-то ещё. На момент шестнадцатилетия девочки, насчитывалось двенадцать семей, в каждой от пяти до семи человек. Кроме них, здесь трудится вспомогательный персонал и более уполномоченные должности. Последние следят за суровыми, чёткими правилами, которых придерживаются все, без исключения. Однако, есть отдельные личности, кто умело избегает наказаний, используя любые честные и плохие методы. К сожалению, даже на самом прочном, матёром корабле всегда найдётся щель, через

которую просочится любая, тухлая рыба.

В комнате с дивными, махровыми обоями, где столы покрыты позолотой и полки из красного дерева украшают шкафы, исписанные вручную, повисла, шириной во всю стену, панорама с видом на бурлящий вулкан. Рабочее место усыпано мелкой, дорогой техникой, фотографиями с детьми и прелестной женщиной, бумагами и различной канцелярией. Там же, развалившись удобно в бежевом винтажном кресле с подогревом, отдыхал пожилой крупный мужчина с открытыми залысинами в сером, выглаженном костюме. Его пухлое красное лицо с загорелыми щеками сильно потело, причиной тому было откровенное волнение и немного стыд.

– Я не могу дать тебе разом две лицензии, – слегка грубовато, но негромко сказал он пустоте.

Затем взгляд мужчины переменился. Словно сотни звёзд сошлись в одну, освещая всю комнату, затмевая любые преграды и страхи. Дрожащей рукой он почесал затылок, пару раз кашлянул в кулачок и прикрыл усталые, замыленные глаза.

– Меня же по голове не погладят, – уже более нежно, умоляя, растянул он свой голос так, будто находился на допросе, убеждая всех в своей невинности.

Тут вспотевшие щёки задрожали, рот слегка приоткрылся, выпуская горячий, скопленный в грязных лёгкий, воздух, губы слегка порозовели и задёргались, как при первом, самом трепетном и желанном, поцелуе.

– Хорошо, я дам тебе их, уговорила, – проиграв поединок, но не всю войну, мужчина снова прикрыл довольные, сияющие в бездне глаза, пока чуть ниже, под столом, сверкали белоснежные, дамские каблуки.